

ПАРТИЙНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ

А.И.МЕЛЬНИКОВ

С.М. КИРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО·МЫСЛЬ·

ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА
при ЦК КПСС
Кафедра журналистики

ПАРТИЙНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ

А. И. МЕЛЬНИКОВ

**СЕРГЕЙ
МИРОНОВИЧ
КИРОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»
МОСКВА · 1973

ЗКП1 (092)

М48

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВПШ и АОН при ЦК КПСС**

Редакционная коллегия:
А. З. Окороков (главный редактор),
Б. П. Балувев, Б. П. Вевевкин, А. А. Круглов

М $\frac{0122-025}{004(01)-73}$ 132-73

ВДОХНОВЕННЫЙ Трибун и публицист

Жизнь и деятельность Сергея Мироновича Кирова — яркая страница в истории нашей Коммунистической партии, советского общества. Это имя знает и помнит каждый советский человек. Образ незабвенного Мironыча, как любовно называли трудящиеся С. М. Кирова, является воодушевляющим примером для всех строителей коммунистического общества.

Верный ученик В. И. Ленина, Киров вошел в память народную как пролетарский революционер, бесстрашный в борьбе и непримиримый к врагам, как вдохновенный трибун и пламенный пропагандист всепобеждающих марксистско-ленинских идей. Его речи и публицистические выступления отличались страстностью, политической остротой, силой обличения, глубиной мысли, научной обоснованностью, предельной убедительностью, эмоциональной насыщенностью.

Публицистическое мастерство С. М. Кирова многогранно и поучительно. Исследование журналистской деятельности Кирова важно не только с исторической точки зрения, но и для решения практических задач, встающих перед советскими публицистами.

* * *

Сергей Миронович Киров (Костриков) родился 15 (27) марта 1886 г. в г. Уржуме Вятской губернии (ныне Кировская область). Рано лишившись матери и отца, остался вместе с двумя сестрами на попечение бабушки. Семи лет был помещен в детский приют. Окончил начальную школу, а в 1901 г. — Уржумское городское училище. Как лучшего ученика С. Костри-

кова направили в Казанское механико-техническое училище, которое он окончил в 1904 г. В эти годы Сергей Миронович установил связи с политическими ссыльными, изучал марксистскую литературу, печатал на самодельном гектографе и распространял революционные листовки. Осенью 1904 г. он переехал в Томск, где работал чертежником в городской управе и одновременно занимался на общеобразовательных курсах при технологическом институте. В ноябре того же года вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию и в июле 1905 г. был избран членом Томского комитета РСДРП.

Чтение ленинской «Искры» помогло Сергею Мироновичу открыть для себя новый мир, осознать задачи и пути борьбы за счастье людей. Произведения В. И. Ленина оказали решающее влияние на формирование Кострикова-революционера. Друзья Сергея Мироновича вспоминали, что он с огромным энтузиазмом изучал осенью 1904 г. работу В. И. Ленина «Что делать?». Эта книга произвела на Кострикова неизгладимое впечатление, вызвала у него желание глубоко овладеть марксизмом и стать профессиональным революционером. На протяжении всей своей революционной и журналистской деятельности он стремился выработать в себе качества, отвечающие ленинскому идеалу социал-демократа: быть народным трибуном, умеющим «откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались», умеющим «обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации», умеющим «пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать *перед всеми* свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять *всем* и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата»¹.

Будучи активным членом Томской организации РСДРП, С. Костриков вел борьбу с оппортунизмом, отстаивал ленинские идеи о вооруженном восстании против царизма, о союзе рабочего класса с крестьян-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 80—81.

ством, пропагандировал большевистские лозунги. Томская партийная организация выпускала листовки. В их тайном издании и распространении большую роль играл и Костриков. С этого времени он стал профессиональным революционером, твердо и бесповоротно пошел по ленинскому пути.

В огне боев первой русской революции С. Костриков сформировался как опытный организатор, горячий пропагандист идей социализма. В те же годы проявилось и его яркое журналистское дарование. Он был одним из авторов знаменитой листовки «В венок убитому товарищу», опубликованной В. И. Лениным в газете «Вперед» 10 марта 1905 г. В листовке выражалась твердая уверенность в победе революции: «Тюрьмы и виселицы не запугают рабочий класс; штыки и пули не остановят революционного движения пролетариата».

В 1905—1906 гг. С. Кострикова несколько раз арестовывали, в феврале 1907 г. он был осужден почти на полтора года тюремного заключения.

При непосредственном участии Сергея Мироновича в 1906 г. в царских застенках выходил подпольный гектографированный журнал «Тюрьма». В нем помещались статьи, фельетоны, стихи, тюремная хроника.

После выхода из томской тюрьмы в июне 1908 г. Сергей Миронович уехал в Новониколаевск. Там он включился в подпольную работу, участвовал в нелегальных собраниях, оказывал помощь местной большевистской организации в пропагандистской работе. Из Новониколаевска Костриков переехал в Иркутск. В трудных условиях реакции он оживил здесь партийную работу на промышленных предприятиях и среди железнодорожников.

В мае 1909 г. С. Костриков, скрываясь от полиции, переехал во Владикавказ (ныне Ordzhonikidze). Установив связь с рабочими Грозного, Пятигорска и других городов, он многое сделал для налаживания там нелегальной партийной работы.

Развернуть революционную деятельность в провинциальном Владикавказе было крайне сложно из-за малочисленности пролетариата, засилья военщины, чиновничества. Кроме того, Киров не имел постоянной

связи с заграничным большевистским центром, редко получал нелегальные газеты и письма от товарищей по партии.

Располагая фиктивным паспортом на имя мешанина Миронова, Костриков поступил на работу в местную либеральную буржуазную газету «Терек» корректором, но скоро стал литературным сотрудником и заведующим редакцией, фактически ведущим журналистом газеты. Сотрудничество в «Тереке» не противоречило установкам большевистской партии, считавшей в тот период допустимым использование непартийной печати для революционной пропаганды.

Атмосфера в газете была довольно благоприятной для работы революционера-подпольщика: владельца ее больше всего интересовала коммерческая сторона дела — тираж, число подписчиков, прибыль. Это позволило Кирову (под таким псевдонимом Сергей Миронович начал выступать в 1912 г.) вести во многих номерах газеты пропаганду революционных идей, разоблачать царизм и буржуазию. С помощью обличительных статей Киров-журналист подводил читателя к выводу, что существующий строй давно пора «отправить на кладбище истории».

С 1909 по 1917 г. в «Тереке» было опубликовано более 1500 статей, корреспонденций, фельетонов, памфлетов, отчетов, рецензий, заметок и других газетных материалов С. М. Кирова. В условиях царской цензуры Сергею Мироновичу приходилось изобретать различные приемы, пользоваться эзоповским языком.

С. М. Киров всей душой отдавался журналистской работе, как и трудной революционной подпольной деятельности. Газетная работа давала возможность сказать людям правду, всколыхнуть, задеть лучшие струны души. «Внешне листок (газетный. — А. М.) этот мертв и гладок, — писал Сергей Миронович, — как поверхность тихой заводи, спокойствие которой ничто не нарушает.

Но в этом листке, где-то внутри его, скрыто и запрятано очень многое и порою этот лист может показаться сотканным из живых человеческих нервов. Лист этот кричит и взывает стройными рядами своих строк. Он впитал в себя соки чьего-то сердца, воспринял и

запечатлел пыл чьей-то души и стал живым и радостным, местами измученно грустным... за этими... строчками видна чья-то живая душа, открытая людям просто и смело»¹.

И далее Киров отмечает мучительную, тяжелую драму честного журналиста в царской России. Драма эта молчаливая, незаметная, скрытая. Состоит она в том, что приходится свою мысль «мучить, рвать и делать «приглядной» для постороннего взора», т. е. для взора царского цензора.

Оценивая газетный труд как один из самых благородных и сложных, требующих чистоты помыслов и души, открытого сердца, твердых убеждений, Киров писал: «И как бы здесь искусно ни скрывать себя, какими бы замками ни запирают большие или малые сокровища своей души, их нужно будет высказать, если не хочешь совершать святотатства»².

Публикации Сергея Мироновича носили наступательный, обличительный характер. Трудящиеся и передовые представители терской интеллигенции с нетерпением ждали его очередных газетных выступлений, подписанных псевдонимами «Обозреватель», «С. Миронов», «Терец», «С. М.», «Серми», «Турист», «Ъ», «S», «С. Смирнов», «С. Киров», находя в них ответы на многие вопросы политической и общественной жизни. «Меня всегда спрашивали покупатели, — вспоминал ветеран революционного движения В. В. Будагов, работавший в газетном киоске, — есть ли статья Кирова, и брали газету нарасхват, как только бывали статьи Кирова»³.

За свои острые политические выступления С. М. Киров неоднократно подвергался преследованиям. Номера газеты «Терек» нередко конфисковывались и уничтожались. 31 августа (13 сентября) 1911 г. революционера в четвертый раз арестовали по делу томской подпольной типографии. Семь месяцев он находился под следствием — сначала во владикавказ-

¹ «Терек», 30 апреля 1914 г.

² Там же.

³ Цит. по: В. Дубровин. Повесть о пламенном публицисте (С. М. Киров и печать). Л., 1969, стр. 27—28.

ской, а затем в томской тюрьме. Сергей Миронович верил в победу революционных сил, дела социализма. «Будущее за нами, — писал он жене из тюрьмы, — впереди так много времени. Энергия, сила воли, твердость в достижении цели — и никакое препятствие не будет страшно»¹. Состоялся суд. С. М. Киров был оправдан. Оказавшись на свободе, он вернулся во Владикавказ, чтобы продолжать революционную деятельность.

Киров много занимался самообразованием. Он с увлечением читал книги по истории, философии, экономике, внимательно следил за выходящей художественной литературой. Жажда к знаниям, любовь к книгам Сергей Миронович сохранил на всю жизнь. Библиотека Кирова, формировать которую он начал во Владикавказе, насчитывала в ленинградский период его деятельности около 20 тыс. книг и журналов.

В условиях постепенно нараставшего революционного подъема в стране усиливалась политическая заостренность публицистических выступлений Кирова. Определяющим в них было рассмотрение крупных проблем международной и общероссийской жизни с точки зрения интересов эксплуатируемых масс. Начиная с 1912 г. в публицистике С. М. Кирова особенно сильно ощущим пафос смелого обличения капитализма, антинародной сущности царской политики. Мало таких статей Кирова, в которых он не критиковал бы те или иные стороны существующего строя, не ставил бы острые, злободневные социальные и политические вопросы. Именно в это время появились его наиболее яркие памфлеты, фельетоны, обзоры.

Круг проблем, по которым выступал С. М. Киров в газете «Терек», был необычайно широк: разоблачение черносотенной Государственной думы, господствовавших в ней помещичье-буржуазных партий, российского законодательства; аграрные вопросы — тяжелое материальное положение крестьянских масс, изобличение столыпинщины; национальный вопрос — защита принципа равноправия всех народов; вопросы

¹ Цит. по: *Ст. Красников*. Сергей Миронович Киров. Жизнь и деятельность. М., 1964, стр. 43.

войны и мира, разоблачение преступно-бюрократического отношения к нуждам и запросам солдат, осуждение дипломатии «великих» держав, их лицемерия и вероломства, пропаганда большевистских идей и лозунгов, касающихся войны; вопросы культуры, народного образования, высшей школы, здравоохранения, положения печати, развития литературы и искусства.

Заметное место в публицистической деятельности С. М. Кирова этого периода принадлежит литературной критике. Статьи Сергея Мироновича о литературе и искусстве, его театральные рецензии и отзывы о книгах, публиковавшиеся в «Тереке», были частицей острой идейной борьбы между революционными демократическими силами и различными модернистскими и декадентскими течениями, развернувшейся в последнее десятилетие перед революцией 1917 г. Это было время жесточайшего наступления реакции в литературе. Мережковские, Арцыбашевы, Гиппиусы и иже с ними старались заразить читателя гнилью эротики, проповедовали политический анархизм и моральное разложение.

Публицисты-большевики во главе с В. И. Лениным на основе принципа партийности боролись против мутной волны упадочничества и ренегатства, вели идейные бои против реакции и ее прислужников в лагере буржуазной интеллигенции.

Для статей Кирова по вопросам литературы (их было 150) характерно стремление связать литературу с общественным движением, найти в творчестве писателей то, что отражает ростки будущего в жизни, что служит народу.

В статье «Великий искатель», посвященной 100-летию со дня рождения В. Г. Белинского, Киров, показывая творческий путь неистового Виссариона, подчеркивает, что это классический пример животворного единства истинного художника с общественной жизнью своей страны, с мечтой и думами народа. Белинский, писал Киров, «воплотил в себе весь протест против окружающей «гнусной действительности» и все величие своего гения устремил к отысканию истины... Он поднял тот яркий светильник научного мирозерцания, который освещает путь нашему поко-

лению»¹. В заключительной части статьи Киров цитирует письмо Белинского Боткину, где критик пишет, что «идея социализма... стала для меня идеей идей... альфой и омегой веры и знания».

Основной пафос кировской статьи в уверенности, что настоящий художник неизбежно встанет на путь поисков лучшей доли для народа, неизбежно придет к передовым идеям социализма, объективно доказав этим принцип партийности — служение творчеством своему народу.

Те же мотивы звучат и в статье Кирова «Лекция Ф. И. Родичева»², в которой Сергей Миронович решительно отвергает попытку кадета Родичева спекулировать именем Герцена, защищает наследие великого русского революционера. Родичев, выступив во Владикавказе с лекцией, утверждал, что Герцен якобы является идеологом и родоначальником конституционно-демократической партии. Это был еще один голос в общем реакционном хоре, пытавшемся доказать, что Герцен якобы отрекся под конец жизни от революции и отныне принадлежит к лагерю ее противников.

Киров подчеркивает в своей статье, что идеи Герцена и идеи кадетов — разнополюсные вещи. Герцен в 60-х годах прошедшего века безоговорочно встал на сторону революционной демократии, он ближе рабочему движению России, нежели кадетам. «Заветы А. И. Герцена так свежи, наша современность так близко подошла к ним, — писал Киров, — что, как будто, ничто не разделяет нас от автора «Былое и думы»»³.

Неоднократно обращался Киров к творчеству классиков русской литературы — Пушкина, Л. Толстого, Некрасова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, А. Островского, Лескова, Короленко и др. По его настоянию в газете «Терек» печатались произведения Чехова, Куприна, Серафимовича и других крупных деятелей литературы.

В произведениях великих русских писателей Киров видел воплощение затаенных народных дум и чаяний, протест против деспотии, зла, нищеты, классо-

¹ «Терек», 29 мая 1911 г.

² См. «Терек», 15 апреля 1914 г.

³ Там же.

вого неравенства. Подлинное величие и своеобразие русской классической литературы XIX в. заключалось, по мнению Сергея Мироновича, в ее беспощадном реализме, остром социальном критицизме, обусловленных теснейшей связью с освободительной борьбой русского народа.

Киров выступал пропагандистом великих традиций русского художественного реализма. Он подчеркивал, что в основе развития русской литературы лежат свободолобивые устремления лучших представителей общества, их широкий демократизм, любовь к народу.

Несколько материалов Кирова посвящены Л. Толстому. 9 ноября 1910 г., через два дня после смерти великого писателя, появилась статья Кирова «Он не умер»¹. «Не нужно слез, — слезами оплакивают только смертных!» — писал Киров. Он отметил величие и бессмертие гениального писателя, значение его для России и всего мира, подчеркнув, что та «чистая, святая правда», которая говорила устами великого писателя, осталась с нами «и ничто в мире не может отнять ее у нас».

Публицист прорецензировал многие спектакли по пьесам А. Островского, в частности «Бешеные деньги», «На всякого мудреца довольно простоты», «Волки и овцы», «В чужом пиру похмелье» и др. Подчеркивая реализм и художественность созданных драматургом образов, Киров отмечал большое воспитательное значение его произведений: «...А. Н. Островский познал и со всей силой показал в своих пьесах жизнь и деятельность неотразимо, как в сущности общественно невинны все эти добродетели Фом Фомичей»².

Кирову были близки и дороги жизнеутверждающие идеи Тараса Шевченко. 25 февраля 1914 г. «Терек» посвятил специальную полосу великому украинскому поэту, подготовленную Сергеем Мироновичем. Газета дала подробную и всестороннюю характеристику творчества великого кобзаря, доказала революционный демократизм его взглядов, верность идеалам

¹ См. «Терек», 9 ноября 1910 г.

² «Терек», 7 июля 1915 г.

трудового народа, мужество и революционную страстность. Киров ставил «подлинно народного поэта Украины» в один ряд с великими русскими и зарубежными писателями, высоко ценил его свободолюбивую поэзию. Он призывал чтить память Т. Шевченко, беречь золотые россыпи его поэзии и художественного творчества.

Горячо любил Киров М. Горького. Пролетарский писатель импонировал ему своей неустанной борьбой за интересы народа. В произведениях Горького, отмечал Сергей Миронович, главный герой — народ, ему отдает писатель весь жар своего могучего вдохновения, его книги проникнуты оптимистической верой в народ, его неодолимую силу.

Рецензируя горьковские произведения, Киров подчеркивал их основное достоинство — жизненную правду. Когда артисты Владикавказского театра в спектакле «На дне» показали приниженность, подавленность героев пьесы, Киров резко возразил против такой трактовки драмы. Он писал, что не все герои пьесы — забытые жизнью люди, униженные просители подаяния. Среди них Горький создал и гордых, независимых людей, ненавидящих «хозяев жизни».

Сопоставляя творчество Горького и Андреева, произведения которых пользовались особой популярностью, Киров отмечал устремленность первого вперед и ущербность второго, его отход от жизни в сумрачный мир туманной символики. «То, что наполняет Горького, — писал он, — возбуждает в нем экстаз, с таким же экстазом разбивается Андреевым... Мятущаяся душа Андреева и до настоящего времени не может найти выхода из страшного круга «так было, так будет», в то время как другой наш соотечественник, Горький, горячо верит, и этой верой пылают все его произведения последних лет, что «так было», но скоро «так не будет»»¹.

Величие Горького, считал Киров, состояло в том, что он не только нарисовал трагедию человечества, но и показал силы, которые поднимались на борьбу со старым миром, призывал к революционной битве

¹ «Терек», 16 апреля 1910 г.

пролетариат, воспел нового человека — борца и победителя капитализма, строителя нового общества.

Киров активно привлекал к сотрудничеству в газете «Терек» лучшие демократические и революционные силы Владикавказа, способствовал развитию литературы горских народов, интересовался их устным творчеством. Он поддержал начинающего поэта Осетии Дзахо Гатуева, принесшего в 1910 г. свои стихи в «Терек», внимательно следил за формированием литературного дарования юного горца. Дзахо был частым гостем в доме Сергея Мироновича, в семье Гатуевых Киров скрывался в дни, когда его преследовала охранка, а позднее меньшевики. Дзахо Гатуев стал начинателем советской литературы северокавказских народов¹.

Киров направлял творчество и других осетинских писателей, поэтов, драматургов — Андрея Гулуева, Георгия Цаголова, Кусова. Бережно относился Сергей Миронович к творчеству основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова, заботясь о широкой пропаганде его произведений.

С. М. Киров неоднократно выступал и как театральный критик, помещая в газете рецензии на спектакли, отклики на игру видных актеров. Значительна по глубине мысли и проникновению в тайны артистического мастерства его статья о великом актере В. Н. Давыдове, которого Киров видел летом 1915 г. на владикавказской сцене в пьесе Ознобишина «Семейные тайны».

Игра Давыдова произвела на Сергея Мироновича незабываемое впечатление. Здесь все просто, до последней мелочи, писал он, и вот эта искренняя простота — основная заповедь искусства — кажется очаровательно милой. «Просты все движения, безыскусственна речь, полная живой мимики, — перед этим тушуются все условности театра»². Подготавливая театральные рецензии, Киров не ограничивался рассмотрением вопросов искусства, а шел дальше — к анализу общественных явлений.

¹ См. «Литературная газета», 19 апреля 1972 г.

² «Терек», 7 июля 1915 г.

Путь Кирова к созданию значительных публицистических произведений был нелегким. Его журналистское мастерство родилось в результате напряженного труда, развития врожденных способностей, овладения разносторонними знаниями. Огромную роль в становлении Кирова как публициста, в развитии его пропагандистского мастерства сыграли его систематические выступления в ежедневной газете.

* *
*

Выступления С. М. Кирова в печати после февраля 1917 г., в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (около 140 статей), в первые годы Советской власти — качественно новая ступень в его журналистской деятельности. Материалы Сергея Мироновича, опубликованные в газетах «Красное знамя» (Владикавказ), «Голос» (Пятигорск), «Народная власть» (Терская область), «Донские известия» (Ростов-на-Дону), «Правда» (Москва), «Молот» (Баку), «Красный воин» (11-я армия), «Коммунист» (Астрахань), его корреспондентская работа в РОСТА — все это представляет собой яркую страницу в истории партийно-советской печати.

Главная цель выступлений Кирова в те годы — пропаганда задач и лозунгов большевистской партии, ее тактики и стратегии в революции и гражданской войне. Тематика кировских статей того периода разнообразна: освещение расстановки классовых сил в революции, разоблачение политики буржуазии и помещиков, защита организационного единства рабочего класса, союза рабочих и крестьян, разъяснение национального вопроса в новых условиях, разоблачение буржуазной печати, борьба с внутренней контрреволюцией, обобщение итогов первых лет социалистического строительства.

С. М. Киров был инициатором создания в июле 1917 г. первой во Владикавказе газеты Советов — «Красное знамя». По основным политическим вопросам она выступала с большевистских позиций. Од-

нако влияние меньшевиков, входивших в Совет, сказывалось на ее содержании.

Ожесточенная и сложная борьба за власть, развернувшаяся в 1918 г. на Северном Кавказе, потребовала от Кирова-публициста усиления его пропагандистской деятельности. В те дни громадное значение для судеб народов Северного Кавказа имел вопрос о том, станет ли этот край советским или там восторжествует контрреволюция, протягивавшая руку иностранным интервентам.

Сергей Миронович использовал любую возможность печатно и устно выступить для разоблачения реакции, националистов, белогвардейцев. 21 января 1918 г. в газете «Пятигорское эхо», весьма далекой от большевизма, он поместил статью «На Тереке», в которой дал анализ создавшегося в крае положения. Отметив существовавшую межнациональную вражду и вред от нее, Киров указал, что их можно было бы избежать, если бы в процессе строительства новой жизни приблизить друг к другу основные группы населения — горцев и казаков. Но этого не было сделано, как не была проделана и необходимая перестройка органов власти.

Несколько дней спустя в газете Пятигорского Совета «Голос» С. М. Киров поставил резче и определеннее вопрос о необходимости революционных преобразований в крае. Усилиями Сергея Мироновича, ставшего ведущим публицистом «Голоса», это издание сыграло важную роль в борьбе за власть Советов на Северном Кавказе.

Разъяснению создавшегося положения, необходимости присоединения к Советской России, объяснению сущности Советской власти Киров посвятил многие статьи в газете («Задачи новой власти», «Кабардинцы и Совет рабочих и солдатских депутатов», «Против воли народной», «Кто против нас», «К объединению демократии» и др.)¹.

Во весь голос Киров заявил об общности интересов трудящихся Терека, России и всех стран. «...Если сейчас, — писал он, — германские полчища не чувству-

¹ См. «Голос», 6, 7, 14, 23, 24 февраля 1918 г.

ют, чья кровь горит на их руках, то легко может настать момент, когда оруженосцы германского империализма откроют глаза и в трупях, через которые они идут к столице революционной России, узнают собственных своих братьев. И этот момент будет знаменовать собою начало траурной процессии капитализма на кладбище истории человечества»¹.

Позднее, когда во Владикавказе была создана газета «Народная власть» (орган Терского народного Совета), Киров обращался с ее страниц к народам Северного Кавказа с призывом развивать дело революции, помнить, что единственным врагом каждого рабочего, крестьянина, трудящегося казака и трудящегося горца являются темные силы контрреволюции. Под влиянием Кирова газета стала важным оружием большевиков Терека в борьбе за массы.

Сергей Миронович пропагандировал большевистские идеи и в печатных изданиях, выходивших в соседних с Терекom районах и городах. Будучи в Ростове-на-Дону, он поместил большие статьи «Зарево красного пожара» и «Зарево национального пожара» в газете «Донские известия». В них Киров проанализировал развитие революции в стране, обстоятельно разобрал конкретную обстановку, сложившуюся к апрелю 1918 г. на Северном Кавказе. «Революция, торжествующая на Дону, укрепляющаяся на Кубани, — отмечал он, — пришла и на Терек, и за последние два месяца там совершается громадный переворот в умах населения. Достаточно сказать, что, несмотря на все тяжелые условия, Терская область, вернее, трудовые народы ее сумели осознать себя, и теперь там родилась власть новая, созданная народным съездом, принявшим полностью советскую программу и власть Совета Народных Комиссаров»².

Коммунистическая партия знала и ценила С. М. Кирова. В январе 1919 г. Киров по решению Центрального Комитета партии, по заданию В. И. Ленина был направлен в Астрахань для организации обороны города. Он возглавил Временный военно-революционный

¹ «Голос», 22 февраля 1918 г.

² «Донские известия», 24 апреля 1918 г.

комитет Астраханского края, к которому перешла вся власть в крае. Киров и здесь продолжал деятельность партийного публициста и организатора печати. Уже на следующий день после вступления на пост председателя ревкома Киров пишет обращение «Ко всем рабочим и трудящимся Астраханского края», в котором дает анализ создавшегося положения и ставит конкретные задачи перед защитниками города.

Публицистика Кирова в период обороны Астрахани представлена в различных жанрах. Особое место среди них занимают обращение и публицистический призыв. Кроме того, в астраханских газетах систематически публиковались речи С. М. Кирова.

В труднейшей обстановке тех дней Киров не знал колебаний. Он поспевал всюду, воодушевлял людей своими пламенными речами, печатными выступлениями, личным примером. А. И. Микоян, побывавший в 1919 г. в Астрахани, вспоминает, как работал Сергей Миронович. «Киров, — пишет он, — поразил меня своей работоспособностью, оперативностью, умением незамедлительно принимать решения. Было видно, что все нити военной, государственной и партийной работы тянулись здесь именно к нему, и он, опираясь на доверие товарищей, пользуясь среди них высоким авторитетом, умело осуществлял руководство»¹.

Публицистический талант помогал Кирову убеждать массы, вести их за собой, вдохновлять на борьбу с белогвардейскими войсками.

В те же дни ожесточилась борьба за Царицын, от исхода которой во многом зависела и судьба Астрахани. На спасение города была брошена и возрождаемая при непосредственном руководстве С. М. Кирова 11-я армия, временно подчиненная командованию 10-й армии. Объединенная армия сражалась так, что вызвала восхищение Владимира Ильича. Председатель Совнаркома телеграфировал защитникам города: «С радостью наблюдал героизм десятой армии и царицынского пролетариата в защите Царицына»².

¹ А. И. Микоян. Дорогой борьбы, кн. 1. М., 1971, стр. 534.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 353.

Обороняя в неимоверно трудных условиях Царицын и Астрахань, войска 11-й армии готовились к наступлению. Планы его разрабатывались под руководством выдающегося советского полководца М. В. Фрунзе, а также С. М. Кирова и В. В. Куйбышева. В конце ноября 1919 г. части 11-й армии разгромили группу войск белоказаков. Указание Ленина, данное Реввоенсовету 11-й армии удержать Астрахань во что бы то ни стало, было выполнено.

С наступавшими войсками С. М. Киров прибыл на Северный Кавказ. По заданию партии он принял активное участие в восстановлении Советской власти на Тереке, в Дагестане, Азербайджане. За боевые заслуги в гражданской войне Сергей Миронович был награжден орденом Красного Знамени.

В мае 1920 г. С. М. Кирова назначили полномочным представителем РСФСР при меньшевистском правительстве Грузии. Перед отъездом из Москвы он имел личную беседу с В. И. Лениным. В Грузии важно было рассказать трудящимся правду о Советской России, разоблачить ложь, распространявшуюся меньшевистской прессой. Поэтому на третий день после приезда в Тифлис С. М. Киров в интервью представителям прессы подробно рассказал о том, что делается в Стране Советов, как русский народ, сбросив ярмо капиталистов и помещиков, защищает свою свободу и завоевания Великого Октября.

Киров сыграл важную роль в укреплении сил коммунистов Грузии. Положительно сказалась и легализация Коммунистической партии Грузии, проведенная на основе договора между РСФСР и меньшевистским правительством.

В Тифлисе выходил в то время печатный орган ЦК и ТК КП(б) Грузии «Комунисти» на грузинском и русском языках. Тысячи трудящихся вставали в ряды борцов против меньшевистской диктатуры. Это напугало правительство. Начались аресты и преследования всех, кто сочувствовал коммунистам. В июле 1920 г. меньшевики закрыли обе выходившие в Тифлисе коммунистические газеты. Наступил критический момент. Нависла угроза расторжения меньшевиками мирного до-

говора с Советской Россией и запрещения грузинских большевистских организаций.

Киров настойчиво добивался выполнения условий мирного договора. Надо было заставить меньшевистское правительство отменить и запрещение большевистских газет. «...Перед нами факт не преследования редакторов, нарушивших те или иные требования закона в Вашей Республике, — писал Киров 19 июля 1920 г. меньшевистскому министру иностранных дел, — а полная ликвидация печатных органов коммунистов с целью воспрепятствовать фактическому возобновлению их»¹. Большевики вынуждены были уступить. Стала выходить на грузинском языке новая газета «Ахали комунисти». Этот успех советского дипломата Кирова был вместе с тем крупной победой грузинских большевиков.

Прошло несколько месяцев, и в Грузии поднялось вооруженное восстание против меньшевистского правительства. В феврале 1921 г. Грузия стала Советской Социалистической Республикой. Во главе частей Красной Армии, пришедшей на помощь грузинскому народу, шли Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров.

На X съезде РКП(б) С. М. Киров был избран кандидатом в члены ЦК РКП(б), а в июле 1921 г. — секретарем ЦК КП Азербайджана. С 1923 г. Сергей Миронович — член ЦК РКП(б).

Проработав в Азербайджане четыре с половиной года (1921—1925), С. М. Киров приобрел богатейший опыт партийного руководства социалистическим строительством. Он возглавлял огромную работу по восстановлению и технической реконструкции нефтяной промышленности, расширению посевных площадей хлопчатника, много занимался вопросами культуры и народного просвещения. С. М. Киров, вспоминая председатель правления «Азнефти» А. П. Серебровский, «умел и поднимать народ, и зажигать его, и в то же время по-товарищески поговорить, пошутить... Благодаря Сергею Мироновичу мы получили не только оборудование, но и гораздо более важное — энтузиазм

¹ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. I. М., 1936, стр. 255.

работников и ударничество, желание работать, не щадя своих сил»¹.

Одной из форм публицистической деятельности С. М. Кирова в Азербайджане были статьи-обращения к коммунистам и ко всем трудящимся республики. Каждый раз, когда возникала необходимость в проведении той или иной сложной хозяйственно-политической кампании, на страницах газет «Коммунист» и «Бакинский рабочий» появлялись материалы под рубрикой «От ЦК АКП» или «Всем организациям АКП» за подписью С. М. Кирова. Отличительные черты этих своеобразных передовых — конкретность фактов и намеченных мероприятий, предельная простота изложения, рассмотрение местных событий и задач в тесной связи с задачами и положением всей страны.

Работа в Азербайджане принесла Кирову и радость больших достижений, и глубокую привязанность к множеству людей, с которыми приходилось жить, строить, преодолевать трудности. Сергей Миронович сроднился с бакинским пролетариатом, с партийной организацией республики, с народами Закавказья. По ходатайству бакинских рабочих С. М. Киров был награжден в 1931 г. орденом Ленина за выдающиеся достижения в нефтяной промышленности.

* *
*

После XIV съезда партии Киров был послан на постоянную работу в Ленинград. Это было время, когда «новая оппозиция», потерпев поражение на съезде, развернула антипартийную кампанию в Ленинградской организации, ведя линию на раскол партии. Для участия в кампании по разъяснению итогов съезда в Ленинград выехала делегация членов ЦК ВКП(б). С. М. Кирову был поручен новый ответственный участок. Его избрали первым секретарем Ленинградского губкома ВКП(б) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Вскоре он стал кандидатом в члены Политбюро ЦК.

¹ «Сто страниц о Кирове». Фотографии. Документы. Комментарий. М., 1968, стр. 50.

Бакинские коммунисты направили в Ленинградскую партийную организацию письмо, в котором отмечали, что «волей высшего органа нашей партии — ЦК, тем самым и волей всей партии руководитель азербайджанской организации нашей партии и любимец бакинских рабочих тов. С. М. Киров послан на работу к вам, в ленинградскую организацию.

Как нам ни трудно расставаться с товарищем Кировым, как нам ни дорог тов. Киров, нас утешает одна мысль, что он будет в Ленинграде.

Пять лет работы товарища Кирова в Баку показали, что он не только прекрасный работник, но и лучший товарищ. Мы глубоко убеждены, что вы не только не будете жалеть, что к вам переведен именно тов. Киров, но вы его скоро так же полюбите, как полюбили его бакинские рабочие»¹.

В Ленинграде Сергей Миронович вел неутомимую борьбу за генеральную линию партии, ленинский курс XIV съезда ВКП(б). За год идейных боев с оппозицией он сделал около 80 докладов.

Полемизируя с отступниками, давая принципиальную оценку их капитулянтству, Киров разоблачал на собраниях трудящихся демагогию, фракционные действия тех, кто пытался разложить партийные ряды. Он указывал, что «нет более серьезной опасности для революции, для диктатуры пролетариата, чем нетвердость наших собственных рядов»².

С первых же дней работы в Ленинграде С. М. Киров уделял большое внимание печатным органам, рассматривая руководство ими как неотъемлемую часть всей партийной деятельности. По инициативе Сергея Мироновича губком партии укрепил редакции газет, журналов, радио, издательств стойкими коммунистами. В первую очередь были обновлены составы редколлегий «Ленинградской правды», «Красной газеты», «Смены». Газеты получали ценные советы и помощь С. М. Кирова в выработке их идейно-тематической направленности, определении творческого лица, укреплении

¹ См. «Бакинский рабочий», 13 января 1926 г.

² С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. III. М., 1936, стр. 86.

редакционных коллективов, материально-технической базы.

Постоянно заботясь о развитии коммунистической прессы, С. М. Киров предъявлял к ней высокие требования, направленные на соблюдение ленинских принципов печати — партийности, массовости, правдивости. Из дня в день должны мы улучшать качество нашей советской и коммунистической печати, говорил он, обращаясь к журналистам. «У вас, товарищи, в руках тонкое и могущественное оружие. Пользуясь этим оружием, можно иногда допустить ошибки. Надо, чтобы печать была окружена величайшим вниманием, чтобы она могла все лучше и лучше выполнять поставленные перед нею задачи»¹.

С. М. Киров считал, что каждый редакционный коллектив должен отчетливо и конкретно знать свои задачи, цели, свое место в общей борьбе за социализм и максимально использовать для этого все возможности печатного слова. Когда в 1927 г. началась кампания по снижению цен на товары, Киров выступил в прессе со специальным материалом, в котором поставил перед журналистами и активом газет конкретные задачи. «Печати, — писал он, — принадлежит крупнейшее место в деле организации общественного мнения в борьбе за снижение цен». Печать должна, подчеркивал он далее, «всеми своими силами, со всей энергией, ни в коем случае не ударяясь в демагогию, ничего не замазывая и не приукрашивая, принять участие в осуществлении важнейшей хозяйственно-политической кампании настоящего момента»².

Партийной принципиальности требовал Сергей Миронович при решении вопроса о том, что помещать в советской газете. В каждом случае, указывал он, следует точно взвесить, какую пользу принесет тот или иной материал.

Годы работы С. М. Кирова в Ленинграде стали годами расцвета его таланта выдающегося организатора и партийного руководителя. Ленинградская партийная организация добилась под руководством С. М. Кирова значительных успехов во всех областях

¹ «Ленинградская правда», 6 мая 1927 г.

² «Ленинградская правда», 17 марта 1927 г.

социалистического строительства. Достижения во многом объяснялись умелым подбором и правильной расстановкой руководящих кадров, перенесением центра тяжести партийной работы в низовые организации, на места.

С. М. Киров глубоко верил в неиссякаемые творческие силы рабочего класса и воспитывал эту веру у ленинградских большевиков. Как-то работники обкома ВКП(б) решили прикинуть, с чем вступил Ленинград в первую пятилетку. Казалось, подсчитали все, пункт за пунктом, графа за графой: такие-то предприятия, стройки, научные учреждения, столько-то имеется инженеров, техников, мастеров, рабочих... Сергей Миронович все выслушал внимательно, улыбнулся, а затем заговорил о том главном, на чем зиждется вера в успех пятилетки, — об уверенности партии в силах рабочего класса, о верности трудящихся идеям социализма. «Если хотите,—говорил он,—можно кое-что и перечислить... Чистота и единство партийных рядов. Раз. Сотысячная семья большевиков, и среди них почти две трети — рабочие от станка. Два. Шестьдесят тысяч рабочих-комсомольцев. Три. Беспартийный актив, особенно профсоюзный. Четыре. Пролетарская критика и самокритика. Пять. И всемерная поддержка ЦК ВКП(б). Быть может, это не шестой, а первый, второй или третий фактор. Семь: дружная помощь всей страны. И так далее. Итога нет, это бесконечно возрастающая величина...»¹

С. М. Киров стремился, чтобы глубокая идейность на страницах газет и журналов сочеталась с яркой формой подачи материалов. Поучительно в этом отношении состоявшееся в марте 1927 г. заседание секретариата обкома партии под председательством С. М. Кирова, на котором были рассмотрены вопросы «О типе вечерней газеты», «Об юмористической периодике». В принятой резолюции был дан анализ вечерней газеты и журналов «Пушка» и «Бегемот», предложены конкретные рекомендации по выработке идейно-тематической линии этих изданий.

¹ Цит. по: С. Синельников. Киров. М., 1964, стр. 293.

Важнейшей задачей печати С. М. Киров считал укрепление связей с массами, развитие и совершенствование рабселькоровского движения. Приветствуя появление в Ленинграде областного журнала «Рабселькор», Сергей Миронович писал: «Рабселькоровское движение — наиболее яркое проявление самостоятельности широких рабочих и крестьянских масс. Вскрывая все недочеты и все достижения нашего хозяйственного и советского строительства, рабселькоры активно помогают партии строить социализм в нашей стране»¹.

С. М. Киров неоднократно подчеркивал, что каждый коммунист должен «ежедневно вдумчиво читать центральный орган партии — «Правду» и областную газету»². И сам показывал пример внимательного отношения к критическим материалам прессы. Он реагировал на любое выступление, относящееся к Ленинграду.

Летом 1929 г. Сергей Миронович отдыхал в деревне. Ходил на охоту, собирал грибы, беседовал с крестьянами, бывал в правлении только что созданного колхоза. Вечерами читал. Просматривая номер «Правды» за 1 сентября, Киров в разделе «Партийное строительство» увидел несколько материалов об ослаблении самокритики в Ленинграде, о зажиме критики в Севзапторге, областном отделе коммунального хозяйства и др. И хотя статьи в «Правде» были написаны сдержанно, предостерегая от огульного обвинения обкома и всей Ленинградской организации, Сергей Миронович решил отреагировать немедленно. Он прервал отпуск и выехал в Ленинград.

На критическое выступление «Правды» уже откликнулись партийные организации ряда заводов, фабрик, учреждений. Люди с возмущением говорили о зажимщиках критики.

По предложению Кирова срочно был подготовлен пленум областного комитета ВКП(б). Комиссии по проверке сигналов «Правды» доложили о результатах. Факты зажима критики, искривления классов-

¹ «Рабселькор», 1926, № 1, стр. 2.

² С. М. Киров. Избранные статьи и речи. М., 1939, стр. 653.

вой линии и бюрократизма в некоторых ленинградских учреждениях подтвердились. Выступившие на пленуме резко осудили бюрократизм, кумовство и семейственность в служебных делах и потребовали строго наказать зажимщиков критики.

Одна из главных причин выявленных недостатков заключалась в отсутствии должной проверки исполнения. Областная контрольная комиссия не всегда прислушивалась к замечаниям коммунистов, а иногда и потворствовала нарушителям ленинских норм партийной жизни. Руководители некоторых учреждений зазнались, предавали забвению строжайшие требования ленинского ЦК, о которых Сергей Миронович напоминал неоднократно: «Быть всегда с массами — это, товарищи, самое ценное и самое святое в нашей партии»¹.

Пленум обратился к партийным организациям с призывом усилить борьбу с бюрократизмом, установить пролетарский контроль (шефство заводов) за работой учреждений и ведомств, подвергать критике в печати, невзирая на лица, все случаи бюрократических извращений и зажима критики. Были образованы комиссии обкома для обследования органов суда, госстраха, управлений облисполкома и других ведомств, подвергшихся суровой критике. Пленум считал необходимым обновить руководство этих органов, решив выдвинуть на командные посты рабочих с производства.

Решения пленума обкома и выступления «Правды» были единодушно одобрены пленумами райкомов партии, собраниями первичных партийных организаций². Это был поучительный урок для всех. С. М. Киров предметно показал, как надо относиться к критическим выступлениям прессы.

В послеоктябрьский период Киров проявил себя как искусный оратор. Киров-трибун неотделим от Кирова-журналиста. Его речи и доклады явились прямым продолжением и дальнейшим развитием га-

¹ Цит. по: С. В. Красников. С. М. Киров в Ленинграде. Л., 1966, стр. 53.

² См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. II. Л., 1968, стр. 331.

зетной публицистики. Публикации выступлений пламенного оратора (в ленинградской прессе за 1926—1934 гг. было напечатано свыше 300 речей и докладов С. М. Кирова) стали в тот период неотъемлемой частью общественно-политической жизни Ленинграда и всей Советской страны. Сергей Миронович считал, что написанное нельзя противопоставлять сказанному, что устное выступление обладает рядом специфических достоинств. Он отмечал, что очень важно, когда «видишь перед собой того, к кому обращаешься. Замечаешь, как изменяется выражение его лица, воспаляются или гаснут глаза, отражающие состояние его души, и т. д. Все это вдохновляет, возбуждает, слова выходят красивые, фразы выразительные...»¹.

Глубоко вторгаясь в жизнь, осуществляя партийный анализ событий, борясь за действенность выступлений печати, Киров-публицист внес немалый вклад в сокровищницу советской журналистики. Выступления С. М. Кирова явились одним из образцов ведения большевистской ленинской агитации и пропаганды. Они отличаются политической злободневностью и оперативностью, вниманием к главным проблемам борьбы, умением местную тему поднять до уровня общепартийных задач, наличием точных оценок и политических выводов, метких сравнений и запоминающихся образов. Каждое свое выступление Киров стремился наполнить пропагандистским пафосом, яркостью изложения, революционным оптимизмом.

Для ленинградского периода публицистической деятельности Кирова характерно применение жанра открытого письма-приветствия и воззвания. Многие из них были написаны в 1931—1934 гг., когда страна достигла заметных успехов в социалистическом строительстве. Эти документы отличались большой политической заостренностью. Они несли социальную характеристику явлений, служили призывом. Так, в первом майском воззвании к трудящимся города Ленина и Ленинградской области отмечалось:

«На основе братского сотрудничества народы великого Союза Советских Социалистических Республик

¹ «Письма из Сибири. Отцы». Новосибирск, 1968, стр. 173.

победно строят новую, светлую социалистическую жизнь.

Нет больше в нашей стране тяжелого и унижительного рабства трудящихся, подневольного труда на капиталистов и помещиков.

Честный труженик окружен у нас славой, любовью и почетом; паразиты, тунеядцы, лодыри окружены презрением»¹.

Приветствия, написанные Кировым, привлекали агитационным и пропагандистским пафосом, выводами-лозунгами, мобилизующими массы на выполнение задач, поставленных Коммунистической партией.

Приветствуя Ленинский комсомол в день 15-летия его деятельности, С. М. Киров писал:

«Товарищи комсомольцы, осуществляйте под руководством большевистской партии великий план второй пятилетки — план построения бесклассового социалистического общества, сочетайте пафос и энтузиазм строительства с упорной, настойчивой работой по овладению новой техникой, новым производством.

Деритесь за высокое качество продукции наших фабрик и заводов. Превращайте самый короткий в мире рабочий день в самый производительный. Большевистски добивайтесь снижения себестоимости нашей продукции. Неутомимо боритесь за большевистские колхозы, за зажиточную колхозную жизнь. Окружите комсомольским вниманием социалистический транспорт, обеспечьте его бесперебойную, четкую работу»².

Где бы и когда бы ни выступал Сергей Миронович, он постоянно думал о народе, его интересах, нуждах, запросах. Его выступления всегда были проникнуты духом партийности, неразрывно связаны с жизнью, с практической деятельностью рабоче-крестьянских масс. Революция и народ, революция и партия, марксистская теория и строительство социализма, рост сознания советского человека, появление новых героев, рожденных социалистической эпохой, критика, разоб-

¹ С. М. Киров. Статьи и речи. М., 1934, стр. 176.

² С. М. Киров. О народном просвещении и воспитании. М., 1969, стр. 165—166.

лачение буржуазной идеологии — вот что составляет содержание устных и печатных выступлений С. М. Кирова в годы Советской власти.

Людам, слушавшим Кирова с трибуны, казалось, что для Сергея Мироновича не представляло труда сделать доклад: так легко лилась его речь. В действительности же, как рассказывают те, кто близко с ним работал, Киров тщательно готовился к выступлениям, изучая массу материалов, источников, подбирая факты, примеры, образы и т. п.

Однажды после доклада, когда зал сотрясся от рукоплесканий, Сергея Мироновича спросили, учился ли он когда-нибудь делать доклады. «Да, я учился технике речи, — ответил Киров. — Раз мне по характеру работы приходится часто выступать, я обязан это делать как можно лучше. А для этого нужна настоящая учеба»¹.

Люди шли на выступления Кирова с интересом и уверенностью, что он скажет что-то важное, новое, необходимое в жизни, зарядит энергией, убежденностью в осуществлении намеченных планов. Идейная убежденность — важнейшее качество Кирова оратора и публициста. «Кто слышал хоть раз в жизни полную огня речь С. М. Кирова, — писал Е. М. Ярославский, — тот никогда не забудет игры вдохновенного лица этого виднейшего народного трибуна, тот не забудет энергичный жест «Мироныча» — иногда поднятые страстно обе руки его, словно этим движением Киров поднимал аудиторию, звал ее, вел вперед к победе»².

Особое место во всей послеоктябрьской пропагандистской деятельности С. М. Кирова занимала ленинская тема. Во многих своих выступлениях Сергей Миронович говорил о величии основателя Коммунистической партии, вождя и учителя всех трудящихся Владимира Ильича Ленина, о его выдающейся роли в творческом развитии марксизма, глубоко разъяснял ленинские положения о строительстве социализма и коммунизма.

С. М. Киров искал и находил в трудах Ленина от-

¹ Цит. по: «Борьба пролетариата». Ученые записки Ленинградского института истории ВКП(б), 1941, № 3, стр. 184.

² См. «Об ораторском искусстве». М., 1959, стр. 272.

веты на самые острые вопросы современности. Он настойчиво призывал изучать теоретическое наследие В. И. Ленина. Дело социалистического строительства, подчеркивал Сергей Миронович, требует от каждого революционера, чтобы он обладал острым ленинским взглядом: «...уверенное движение вперед возможно в том случае, если каждый из нас на все сто процентов убежден в верности ленинского дела, если каждый из нас основательно подкован ленинизмом»¹.

Предметом глубокого изучения Кирова была публицистика Ленина, опыт публицистов-ленинцев и публицистов русской революционной демократии. Важнейшей чертой пролетарской печати Сергей Миронович считал ее неразрывную связь с партией. «История нашей рабочей коммунистической печати, — писал он, — является по существу историей партии, историей революции: все поражения и победы, которые переживала и переживает наша печать, совпадают с теми же этапами в развитии Коммунистической партии»².

Сергей Миронович глубоко верил в силы нашей партии, мудрость ее политики, воплощающей в себе революционную теорию и практику: *«Дело наше, товарищи, — подчеркивал он, — непобедимо не только потому, что у нас великая армия строителей, но и потому, что мы строим по плану такого архитектора, который не собьется с правильной исторической дороги, наш архитектор — это наша непобедимая большевистская партия, вооруженная ленинизмом»*³.

Выступая с трибуны или на страницах печати, С. М. Киров находил слова, которые наиболее точно и убедительно доносили до слушателей и читателей идеи партии. «Наша партия — подлинный сознательный коллектив, действительно твердая, действительно незыблемая партия, понимающая те задачи, которые на нее возложены историей»⁴. Киров подчеркивал: «...рабоче-крестьянская Россия стала великой Советской страной именно потому, что руководящая всей

¹ С. М. Киров. О народном просвещении и воспитании, стр. 129.

² «Ленинградская правда», 6 мая 1927 г.

³ С. М. Киров. О народном просвещении и воспитании, стр. 150.

⁴ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. III, стр. 460.

работой Коммунистическая партия не представляет собой собрания Петровых и Сидоровых, как отдельных личностей, а составляет единое целое, коммунистическую скалу, которой распоряжается Центральный Комитет партии так твердо и уверенно, как не распоряжался еще ни один военачальник своими армиями»¹.

Беззаветная преданность ленинизму, непримиримость к врагам партии и народа, вера в массы, в торжество дела коммунизма, забота о советских людях выдвинули С. М. Кирова в ряд выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства. В 1930 г. С. М. Киров был избран членом Политбюро ЦК ВКП(б), а в 1934 г. еще и секретарем и членом Оргбюро ЦК ВКП(б).

В Кирове была огромная притягательная сила, он умел спланировать, объединять, вдохновлять людей на достижение цели. «Мало кого, — писал журналист М. Кольцов, — так любили и уважали в рабочей среде и в партии. Его слову всегда верили. За ним шли...

Небольшого роста, со скромным, живым и задумчивым лицом, простой и даже немного застенчивый на вид, Киров всегда создавал вокруг себя атмосферу внимания, уважения, подъема и любви...»².

С народными массами С. М. Киров был связан тысячами нитей. Он часто бывал в заводских корпусах и на стройках, в научных и учебных заведениях, в колхозах и совхозах, в воинских частях. На заводах прежде всего шел в цехи, беседовал с рабочими. Особенно часто Киров бывал там, где «заедало», не ладилось с освоением нового. Главным в таких случаях он считал довести до сознания рабочих политическую значимость порученного дела, связь его с великой социалистической стройкой. Не раз крылатая кировская фраза «не знаю как технически, но по-коммунистически это можно и должно быть сделано» поднимала людей на борьбу с трудностями, казавшимися непреодолимыми.

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934). М., 1957. стр. 105—106.

² Цит. по: «Сто страниц о Кирове». Фотографии. Документы. Комментарий, стр. 90.

Любовь народа к Кирову — результат его безграничной преданности революции, его глубокой принципиальности, железной выдержки, решимости и твердости в борьбе за те задачи, которые ставились партией. «...Прекрасный человек, один из лучших вождей партии, идеальный образец пролетария, мастера культуры»¹ — так охарактеризовал Сергея Мироновича Кирова Максим Горький.

Идеологические работники учились у Кирова умению тонко улавливать настроение людей, учитывать общественную психологию, тесно связывать революционную теорию с практикой.

О чем бы ни писал, ни говорил Киров, его мысль всегда была яркой, взволнованной, наполненной живым чувством, проникнутой тем прекрасным, отличающим большевика качеством, о котором так замечательно сказал сам Сергей Миронович, — честной, благородной внутренней тревогой за дело партии. Поэтому каждое его устное или печатное выступление облагодавало огромной действенной силой.

Киров не терпел парадной шумихи и самоуспокоенности. Обладая драгоценным чувством нового, он смело поддерживал творческое проявление инициативы со стороны трудящихся, постоянно отмечал решающую роль народных масс в социалистическом строительстве. Эта тема, по мнению С. М. Кирова, должна находить повседневное отражение на страницах советской печати.

Журналист С. Гершберг вспоминает о том, как проходила в 1933 г. в Ленинграде беседа Кирова с работниками «Правды». Подробно рассказав о трудовых достижениях ленинградцев, об освоении новых видов производства в первой пятилетке, Киров заметил, что в этом разговоре не хватало главного — не раскрыто, каким образом успехи достигнуты. Я сам в прошлом журналист, сказал Сергей Миронович, и будь на вашем месте, спросил бы об этом. И Киров охарактеризовал, что обеспечило успех: прежде всего коренное техническое обновление заводов, внедрение производственной культуры, использование высоко-

¹ М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 27, стр. 382.

квалифицированных кадров и, наконец, ленинградский характер с его творческим поиском, поразительной неистощимостью инициативы.

В заключение беседы С. М. Киров высказал свое отношение к проблемам, на которых, по его мнению, «Правде» следовало бы сосредоточиться. Отметив правильность линии газеты, что она освещает вопросы металлургии, угольной промышленности и других отраслей, Киров вместе с тем указал, что наряду с отраслевой тематикой «Правде» важно, на его взгляд, брать и проблемы «сквозные». Среди них наиболее острые — рабочая сила, снабжение, зарплата.

Одним из самых ярких выступлений С. М. Кирова была его речь на XVII съезде партии. Она произвела неизгладимое впечатление на всех участников съезда. Позже ее назовут песней великих побед, гимном освобожденного труда, слышным во всех концах земного шара¹.

Злодейская пуля убийцы сразила Сергея Мироновича в 16 час. 30 мин. 1 декабря 1934 г. на боевом посту в Смольном. Известие об этом глубоко потрясло партию, весь советский народ. Выражая всеобщую скорбь, 2 декабря «Правда» отмечала: «Товарищ Киров представлял из себя образец большевика, не знавшего страха и трудностей в достижении великой цели, поставленной партией. Его прямота, железная стойкость, его изумительные качества вдохновенного трибуна революции сочетались в нем с той сердечностью и мягкостью в личных товарищеских и дружеских отношениях, с той лучистой теплотой и скромностью, которые присущи настоящему ленинцу».

Прошло более 38 лет после трагической гибели С. М. Кирова, а его пламенное слово, его вдохновенные мысли живы и сегодня. Советские люди учатся у выдающегося трибуна и публициста беззаветно любить Родину, быть преданными Коммунистической партии, верить в беспредельные творческие возможности народа, активно бороться за торжество коммунизма.

¹ См. «Правда», 2 декабря 1934 г.

ЧЕРТЫ МАСТЕРСТВА ПУБЛИЦИСТА

Изучение публицистического мастерства С. М. Кирова — замечательная школа для всех, кто занимается журналистикой и ведет пропагандистскую деятельность.

Широкий круг проблем, освещенных Кировым-публицистом, необычайно велик был диапазон его устремлений. Киров откликался буквально на все сколько-нибудь важные вопросы жизни, его интересовали все заметные явления действительности.

Многие великолепные качества присущи Кирову-публицисту: умение логически стройно излагать свои мысли, неоспоримо их аргументировать, показать органическую связь революционной теории с практикой, применить образные сравнения, писать просто и понятно.

Определяющие черты его публицистического мастерства — партийность и правдивость, основанные на принципе научного, объективного освещения событий, фактов общественной жизни, ее положительных и отрицательных сторон. Жизненная правда, о которой писал С. М. Киров, была выражением партийного классового подхода к оценке явлений действительности. Взяв в основу статьи, например, тот или иной факт произвола царской администрации или горестной жизни трудящихся, Сергей Миронович умел так его подать, что читатель за этим фактом видел всю обреченность царизма и неизбежность революции.

В материалах, посвященных проблемам экономического развития старой России, последствиям быст-

рой концентрации и централизации производства, Киров, используя конкретные местные факты, показывал, что капитализм — враг трудящихся. Так, в статье «Еще синдикат», появившейся в связи с переговорами капиталистов об образовании табачного монополистического объединения, он писал: «Последствия такого объединения легко предвидеть: в первую очередь табакодельцы поднимут, конечно, цены и будут держать их насколько возможно высоко». Кому же угрожало такое объединение? Рабочим, людям труда. Они, разъяснял Киров, «прямо и непосредственно испытывают все пагубное значение трестов, особенно у нас, где рабочие лишены возможности противопоставить железной воле синдикатов свои собственные организации»¹. С ростом империалистических трестов и синдикатов Киров связывал проблему дороговизны жизни, вздорожания цен на товары первой необходимости, и прежде всего на сельскохозяйственные продукты.

Сергей Миронович отмечал, что тяжелая жизнь рабочих усугубляется и постоянными экономическими кризисами, а последние неизбежны при капитализме. Они ведут к массовой безработице, голоду, нищете. Давно стало азбучной истиной, продолжал развивать мысль Киров, что в этих условиях право на труд только фикция.

Развитие капитализма, приток людей в города обострили жилищный кризис. Скученность, грязь, зараженность воды, воздуха и почвы ухудшали санитарное состояние городов, повышали заболеваемость и смертность среди трудящихся. Вопросам народного здравоохранения Киров посвятил немало статей (их более 95 опубликовано в «Тереке»). Он умело придавал им политическую окраску, подводя читателя к выводу о том, что проблема здравоохранения — это проблема социальная и решить ее может только революция. При анализе причин массовых заболеваний и преждевременных смертей публицист указал на главный источник этих бед — на хищническую эксплуатацию труда и тяжелые материальные условия, разрушающие здо-

¹ «Терек», 9 мая 1912 г.

ровые трудящихся. Киров в своих статьях подчеркивал, что нужно заглянуть в глубь социальных причин, порождающих эти общенациональные бедствия¹.

Много внимания Киров уделял жилищному вопросу (статьи «Жилищный кризис», «Больное место», «Один выход», «Города и квартиры» и др.). Вскрыв социальные корни жилищной проблемы, публицист показал невыносимые бытовые условия рабочих, непомерно высокую квартирную плату, жуткое состояние городских трущоб, последствия проживания бедняков в этих ужасных условиях. Он предлагал вести государственное и кооперативное жилищное строительство, требовал, чтобы правительство в законодательном порядке заставило капиталистов и частных владельцев нести юридическую ответственность за жилищные условия трудящихся.

В мире капитала не могли, конечно, осуществиться предложения публициста, направленные на удовлетворение народных нужд и требований. Но, выдвигая их на страницах легальной газеты, Киров подводил читателя к мысли о необходимости низвержения царизма и капитализма. Он показывал, что предпринимателей интересовало лишь одно — извлечение прибылей со своих фабрик и заводов. Официальные власти также были безразличны к бедам и нуждам простых людей. В стране распространялись массовые эпидемии, процветало пьянство. Многочисленные эпидемии присосались к России, отмечал публицист, видимо, навсегда, если только не будет изменена действующая практика охраны народного здоровья².

Существовавшие порядки, весь уклад жизни способствовали процветанию дикостей в тогдашней России. Правдивый показ мерзостей русской действительности содержится во многих статьях Кирова, напечатанных в газете «Терек»: «Тоска по кнуту» (16 октября 1912 г.), «2 миллиона» (11 января 1913 г.), «Плоды безвременья» (20 июля 1913 г.), «100 000 школ и 45 000 лавок» (31 августа 1913 г.), «Кровавая сказка» (3 сентября 1913 г.).

¹ См. «Терек», 18 августа 1912 г.

² См. «Терек», 10 августа 1913 г.

С гневом писал Киров о политике царизма, насаждавшего всеобщее пьянство. В статье «100 000 школ и 45 000 лавок» он показал губительно разветвленную сеть пивных и винных лавок, число которых росло с каждым днем, в то время как школ было мало и они влачили жалкое существование. В России прекрасно развивают свою деятельность 45 тысяч винных лавок, отмечал публицист, и ни одна из них не испытывает отсутствия потребителя. На долю каждого потребителя приходится 0,6 ведра водки. Чистый доход от вина в 1912 году составил 626 миллионов рублей, а смета министерства просвещения, касающаяся начальных школ, увеличилась всего на 12 миллионов рублей.

Ассигнование на народное образование увеличивается в микроскопических размерах, а потребление алкоголя увеличивается за год почти на 5 миллионов ведер и население успевает пропить «лишних» 29 миллионов рублей¹.

Ирония, сарказм, беспощадная насмешка — неотъемлемые черты кировских фельетонов о деятельности кавказских властей, внутреннем положении России, международной жизни.

Перу Сергея Мироновича принадлежит острый политический памфлет «Простота нравов», опубликованный в газете «Терек» 3 ноября 1912 г. В истории русской дореволюционной подцензурной журналистики немного найдется произведений, в которых с такой резкостью и прямоотой, с такой глубиной мысли, впечатляющей образностью и силой была бы обнажена гниль и продажность буржуазного общества, разоблачено политическое хамелеонство и низкопоклонство депутатов IV Государственной думы перед царем, раскрыта реакционность всего третьеиюньского режима и черносотенного избирательного закона.

Формируя Государственную думу, царизм пытался создать иллюзию «парламента», который мог бы прикрывать политику насилия и мракобесия самодержавия. И действительно, Дума стала одной из опор царя. Абсолютное большинство ее депутатов составляли черносотенцы — помещики, крупные буржуа, царские чи-

¹ См. «Терек», 31 августа 1913 г.

новники, попы, кулаки и т. п. Все они пытались именовать себя «представителями народа». С. М. Киров вскрывал эту ложь. «Выяснилось окончательно, — отмечал публицист, — что в четвертой Думе неизбежно господство черных, и притом черных весьма определенного тона, тона Пуришкевичей и Замысловских. Создается положение трагикомическое вполне. В самом деле, мы так привыкли думать, что Россия в потенции хранит неисчерпаемый источник культурных сил и богатств, и вдруг на спине ее взгромоздился такой «парламент», в котором большинство одарено одной добродетелью: прекрасно владеет «резиной»»¹.

Киров показывает в памфлете подлинную сущность Государственной думы, классовое лицо черносотенцев, их главарей Пуришкевича и Замысловского, а также продажных карьеристов из правых буржуазных партий. Он спрашивает: что же делать с таким «парламентом», где большинство исповедует только одно ретроградство? И отвечает: можно и такой «парламент» приспособить, ведь всем давно известно, что буржуазные деятели, сидящие в Думе, отличаются удивительной способностью «перекрашиваться» в случае надобности. Куда подует политический ветерок, в ту сторону они и поворачиваются. Объясняется это тем, подчеркивает публицист, что к населению эти депутаты имеют весьма отдаленное отношение и совершенно не связаны с пославшими их в Думу.

Во многих фельетонах, статьях, корреспонденциях Киров раскрывал социальные явления, характеризовал классы, партии, сословия. Разоблачая узкоклассовую, реакционную политику буржуазно-демократических, и особенно кадетской, партий, он обнажал лживость их обещаний. «Вспомните ее красивые одежды, в которых она впервые выступила на арену открытой политической борьбы... — писал Сергей Миронович о партии кадетов. — Но что стало с ней! Где ее «всеобщее, равное прямое и тайное» избирательное право, о котором так красноречиво писали и говорили лидеры конституционно-демократической партии?

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), стр. 3.

Где то широкое социальное законодательство, которым кадеты подкупали широкие, прогрессивно настроенные слои русского населения? Все это кануло в историю русского общественного движения, и теперь остались одни осколки»¹.

В июне 1914 г. Киров написал блестящее по мысли и стилю публицистическое произведение — фельетон «Покушение на мещан»². Поводом для него послужили слухи о том, что министерство внутренних дел разработало проект об упразднении слова «мещанин». Сжато, образно, логически последовательно Киров раскрывает генеалогию сословия мещан, их духовную сущность. Мещанин, пишет публицист, — это «нечто среднее между рабом и господином».

Создали мещанина с некоторым образом и подобием человека и «от наказания телесного не изъязвено».

Долго пороли мещанина, внедряя в его сознание уважение к культуре самовара и цивилизации банного веника.

Так рос мещанин десятилетия, века, окрашивая всю русскую жизнь в густой серый тон, сквозь который можно было рассмотреть только светлую шинель квартального».

Характеризуя мещанство, Киров писал: «Залежавшееся в изгибах длинной истории слово это промокло насквозь пошлостью и покрылось темным слоем духовно-нравственной ограниченности. Слово «мещанин» глубоко врезалось в сознание каждого. И как только оно встает перед нами, за ним неизбежно ползут скука, обывательщина, отсутствие интересов и полная духовная приниженность...

Все робкое, маленькое, нелепое и жалкое воплотилось в нем. Здесь сконцентрировалась вся та серенькая, пустая и нудная сущность миллионов людей»³.

Сколько ярких, уничижительных эпитетов применил Сергей Миронович! И ни один из них не повторяется, каждый дает свое, особенное освещение слова

¹ «Терек», 7 ноября 1910 г.

² См. «Терек», 28 июня 1914 г.

³ Там же.

«мещанин». Дав исчерпывающую, точную характеристику мещанства, Киров иронически восклицает: «Россия без мещан!»

Это так же несовместимо, как республика без граждан, как Рим без рабов.

Упразднить мещанина — это значит начать перестраивать всю живую Россию...

Нет, проект об упразднении мещанина кажется совершенно невероятным, и лучше взять его обратно». Так от описания мещанства Сергей Миронович подводит читателя к обобщенной картине социальной жизни России.

Читая фельетон «Покушение на мещан», невольно вспоминаешь «Заметки о мещанстве» М. Горького, заслужившие горячее одобрение В. И. Ленина. Оба произведения проникнуты духом глубочайшей ненависти к мещанству, к уродливо развитому чувству собственности, к пассивности и равнодушию, к стремлению уйти от решения вопросов жизни в тихую пристань.

Киров дал в своих произведениях целую галерею представителей реакционного лагеря, изобразив их типические черты. В фельетоне «Гаппо-Неудержимый»¹ героем является городской голова Владикавказа Гаппо Баев — либеральный болтун, выдвинувшийся благодаря подхалимству перед царскими чиновниками.

Автор иронически возвеличивает в начале фельетона градоначальников — «отцов города». «...Для вящего укрепления в памяти потомства достойных деятелей» он предлагает присваивать им соответствующие эпитеты. Вот, например, Иванов-Темный, прославившийся тем, что совершенно был чужд всему европейскому, как в костюме, так и в грамоте. Или Петров-Дерзновенный, повелевший разобрать в городе все мостовые и построить из их камней на каждом перекрестке монументы. А один из городских голов, Васильев-Тихий, оставил по себе память тем, что «молчал даже в том случае, когда его спрашивали».

Баеву Киров предлагал присвоить эпитет «Неудержимый», так как этот мелкий человек неудержимо

¹ См. «Терек», 1 мая 1916 г.

стремился к «мировым проблемам», был неудержим в хвастовстве и самовлюбленности. Он поучал своих подчиненных: «Шире смотрите на вещи... Вспомните систему фритредеров, закон Мальтуса, систему Тейлора, и любая проблема разрешится сама собою». Захлебываясь в потоках красноречия, герой фельетона произносит завиральные фразы: «...завтра во Владикавказ прибывают сто тысяч черкесских быков... Мясо будет дешевле хлеба. Можно получать в кредит и как угодно».

Гротеск в фельетоне доводится до крайней степени. Гаппо уже потерял власть над своим разумом, врет пуще Хлестакова, остановить его невозможно. «Главное, не будьте скупыми на размах, и вся продовольственная проблема станет для вас проще пареной репы... Мы уже запросили по этому поводу Ллойд Джорджа, послали нарочного в Японию...». Он плачет по случаю тяжелого положения Аргентины и призывает других прослезиться. «Обыватель жалостлив, — настаивает Гаппо подчиненных, — и, соболезнуя аргентинцу, забудет про себя». Душонка городского головы вывернута наружу. Фельетон заканчивается язвительным выводом: «Так решил государственную проблему Гаппо-Неудержимый».

С убийственной иронией осмеивал С. М. Киров царских чиновников. В 1912 г., используя факт о ревизии университета в Одессе, обнаружившей там злоупотребления, Киров пишет статью «Альма-матер», в которой разоблачает ректора-черносотенца, преследовавшего свободомыслящих ученых и студентов, искоренявшего «дух неверия и вольнодумства». «Насаждая черносотенное благонравие, прославленный ректор в самый короткий срок храм науки обратил в вертеп лиходеев и достиг того, что число городских значительно превосходило количество слушателей»¹.

Многое сделал публицист для борьбы с поповским мракобесием, религиозными шарлатанами и авантюристами. Значительный интерес представляет статья-размышление «Плоды безвременья»², в которой Ки-

¹ «Терек», 11 ноября 1912 г.

² См. «Терек», 20 июля 1913 г.

ров писал о невыносимых условиях жизни народа. Люди, отмечал Киров, доверяются разным религиозным фанатикам в результате пустоты и мрака окружающей жизни. Для народа «это так невыносимо больно, что он временами не чувствует ничего окружающего и слепо идет за каждым обещающим ему спасенье...

Пока в качестве врачей выступают миссионеры. Они вскрыли ересь Илиодора и он понес кару.

Но вместо него явился Иннокентий... Иннокентий покаялся, но «паства» его ждет нового избавителя... Не ясно ли отсюда, что одной миссионерской деятельности мало. Нужны, видимо, другие меры, которые вдохнули бы жизнь в народную душу. Эти меры были сформулированы уже восемь лет тому назад». Читателю не трудно догадаться, на какое средство борьбы с религиозным ядом указывал Киров — на революционные события 1905 г.

Расцвет деятельности религиозных авантюристов Киров объяснял тем, что их поддерживают власть имущие, тем, что в царской России «гражданина российского все-таки нет». В статье «Фигуры»¹ он писал о религиозных фанатиках Илиодоре и Распутине, что, хотя такого рода «деятели» различны и действуют каждый по-своему, по существу они одинаковы. Киров не мог прямо написать, что Распутин — это ставленник Романовых, а лишь намекал об этом читателю. В 1914 г. в связи с покушением на Г. Распутина Гусевой в печати был поднят большой шум вокруг его имени, в церквях совершались молебны о выздоровлении «святого черта», как его называл Илиодор. В статье «Загадка» Киров ставил перед читателем вопрос, почему сообщение о покушении на жизнь «старца» Г. Распутина передается из конца в конец обширной России как самая невероятная и важная сенсация. Сергей Миронович с иронией писал: «Можно подумать, что истерическая женщина вонзила нож в человека, от которого зависели судьбы нашей родины; что человек этот был кумиром всего государства и ценностью, равной которой страна не знала»². Ничего

¹ См. «Терек», 13 апреля 1914 г.

² «Терек», 5 июля 1914 г.

особенного, указывал Киров, ничего исключительного не было в невежественной фигуре Распутина. Ключ к разгадке, намекал публицист, в поддержке «святого черта» царской шайкой Романовых: «...что-то поддерживает фигуру Распутина на пьедестале, которому может позавидовать даже маститый государственный деятель»¹.

Множество разнообразных, поистине щедринских типов создал Киров в своих фельетонах. Образ черносотенного помещика, верного столпа царизма, одного из идеологов «Союза русского народа» дан в фельетоне «Владимир Митрофанович». Автор иронически заключает: «Не знать Владимира Митрофановича — это значит быть в Москве и не видеть колокольню Ивана Великого»². К образу Пуришкевича Киров возвращается и в памфлете «Два депутата»³. В описании бесед министра Милюкова и Пуришкевича раскрываются отвратительные образы наглого, лезущего напролом главаря черносотенцев и прячущего свое подлое нутро за вежливостью и чинностью столпа кадетской партии.

Сочно описан образ богача Рябушинского (фельетон «Купец идет!»)⁴, разглагольствующего везде и всюду об «исторической роли» русского купечества, горько рыдающего по поводу того, что иные представители торговой буржуазии падают в объятия оскудевающего дворянства.

В ряде материалов Киров изобразил фигуры продажных журналистов желтой прессы. В фельетоне «Плевелы»⁵ показаны издатель газеты «Новое время» Суворин и его сотрудники. В заметке «Блюстители порядка» Киров охарактеризовал черносотенных журналистов газеты «Россия», готовых удушить всякую свежую мысль.

Одной из сильных сторон кировской публицистики в дореволюционный период была резкая критика су-

¹ «Терек», 5 июля 1914 г.

² «Терек», 26 июля 1915 г.

³ См. «Терек», 2 августа 1915 г.

⁴ См. «Терек», 8 сентября 1912 г.

⁵ См. «Терек», 23 апреля 1913 г.

ществовавшего аграрного законодательства. Материалы Кирова по крестьянскому вопросу появлялись в «Тереке» главным образом в связи с обсуждениями в Думе проектов аграрных законов, а также откликами буржуазных газет на них.

«Пользуясь законом 9 ноября 1906 г., — писал Киров в передовой статье «Самореклама», — деревенский кулак простер свои вредоносные щупальца и начал усиленно содействовать проведению аграрной реформы — увеличению безземельных. Количество последних растет гораздо быстрее, чем экономически сильных хозяйственных мужиков. Вкусившим плодов реформы 9 ноября ничего другого не остается, как броситься за хлебом насущным в отдаленные места Сибири, обратиться к услугам переселенческого управления»¹.

Сергей Миронович давал резкую отповедь официальным газетам, выражавшим восторги по поводу «прогресса», достигнутого за годы действия столыпинской земельной реформы. 1 августа 1912 г. в статье «Второе раскрепощение» он подверг острой критике газеты «Россия» и «Голос Москвы», которые пели дифирамбы правительству и разглагольствовали о том, будто акт от 9 ноября — это завершение «великой крестьянской реформы», «второе раскрепощение сельской России».

Проблемы деревни Киров ставил и в статьях, посвященных вопросам труда и быта народных масс, культуры и здравоохранения, выступая защитником жизненных интересов крестьянской бедноты.

Предметом повседневного внимания и темой многих публицистических выступлений Кирова было народное образование, борьба с темнотой и невежеством трудовых масс. Этой теме в газете «Терек» Киров посвятил более 50 статей. Его интересовало все, начиная от университетского образования и гимназии, кончая учебниками и учебными программами. Он откликался на все правительственные законы, постановления и проекты, касающиеся народного образования. В таких статьях, как «О всеобщем начальном образовании»,

¹ «Терек», 11 августа 1911 г.

«Незаконченная реформа», «Судьба одного проекта», «Около школы», «К реформе школы» и другие, Киров разоблачал ханжеские разглагольствования о «новой эре» в народном образовании, показывал лицемерный, лживый характер подготовленного Думой закона.

Школа, оторванная от жизни, далекая от народа, с засильем религии, загруженная второстепенными, ненужными предметами, была консервативная и отсталая. Муштра, фальшь и лицемерие приводили к воспитанию духовно ограниченных, морально искалеченных людей. С болью писал об этом Киров в статье «Уходящие из жизни»¹. Удушливая обстановка, унижающая личность ученика, безнадежность и бесперспективность в будущем порождали аморальные поступки в среде учащихся. В школе процветали драки, воровство, росло число самоубийств и покушений на жизнь. Только за 1914 г. среди учеников было 123 самоубийства и 76 покушений на жизнь. С. М. Киров, говоря об этом больном явлении русской жизни, подчеркивал причины, заставляющие юношей, даже детей добровольно уходить из жизни. «Здесь перед нами зеркало русской жизни, — делал вывод публицист, — ведь детская душа, чистая от всякой накипи, так чутко, так непосредственно и близко воспринимает все изгибы житейские. И всякое отрицательное явление свои первые темные пятна кладет именно на детскую душу, больно давит ее, и она, если не хочет приспособиться, умирает».

Сергей Миронович со всей силой убеждения ставил в статьях проблемы развития народного образования, писал об очистке школы от всего того, что мешало обучению и воспитанию здорового, жизнерадостного поколения молодых людей. С твердой верой в социальные перемены он указывал, что «этому поколению предстоит сделать то, что не смогли сделать многие поколения до них, вдохнуть новую живую струю в одряхлевшую Россию, повести ее по пути демократии и обновления».

По мысли Кирова, новая школа должна решать многие задачи: быть массовой и доступной для всех

¹ См. «Терек», 6 апреля 1916 г.

слоев населения, давать ученикам разносторонние знания, готовить людей, владеющих основами наук и способных получить высшее образование, проводить общественное воспитание школьников, быть связанной с их семьями.

В еще более плачевном состоянии находилось в царской России высшее образование. Вузов было мало, их двери были практически закрыты для представителей народа. Киров с гневом писал о том, что царизм «не находит» средств на развитие науки, тратя в то же время народные деньги на содержание армии попов (статья «Мы их не знаем»). «Знает ли общественно мыслящая Россия, — спрашивал он у читателей, — своих ученых, любит ли хоть она их, умеет ли общество оказывать им в свое время ту поддержку, которую при других, благоприятных условиях могла бы оказать им государственная власть? — И отвечал: Увы! Чаше всего, конечно, нет!»¹

Прием обращения к читателю Киров применял многократно. Он не старался разжевывать все и вся, приспособляться к тем, кто читал его статьи. Самой логикой изложения, убедительными оценками Сергей Миронович подводил читателя к важным выводам.

В 1912 г. самым животрепещущим вопросом международной политики был, по словам В. И. Ленина, вопрос о балканской войне. В то время как буржуазная печать обманывала трудящихся, скрывая истинные цели балканской войны, разжигала грубый шовинизм, стремясь изобразить пожар на Балканах как «войну полумесяца с крестом», как «последний крестовый поход», как «священную войну христиан против ислама», большевистская газета «Правда» беспощадно вскрывала подлинные причины войны. Этому же вопросу большое внимание уделял Киров в «Тереке».

Публицист срывал маску с пресловутого «покровительства» Европы христианским народам на Балканах — болгарам, грекам, сербам, черногорцам. В Европе имеются большие любители чужих каштанов, писал Киров, намекая на то, что империали-

¹ «Терек», 7 сентября 1913 г.

стические хищники не прочь руками балканских христианских народов завладеть новыми территориями. «Подозрение это усиливается еще тем, что державы оставались совершенно глухими, когда «страждущее на Балканах христианство» взывало о помощи...»¹ В другой статье он отмечал, что великие державы лишь на словах ратовали за национальное самоопределение балканских славян, а на деле были его противниками. Для них это священное право «свято только теоретически. Это одно из многочисленных украшений капиталистического капитолия... Красивый наряд на меркантильном теле»². Читатель подводился к мысли о том, что славяне гибли в войне во имя «освобождения», а судьей в решении их судьбы была «старая, беззубая Европа», т. е. европейские монархические страны, преследующие свои захватнические цели.

Объясняя, почему балканская война приобрела в прессе ореол «священной битвы», Киров показал, что все это «дешевый, но крайне вредный и опасный шовинизм». Буржуазии выгодно было внушить массам, что война ниспослана самим богом, что она благословлена небом. «...За всей этой пустой мишурой скрывается до последней степени страшная, бесчеловечная идея. Создается настроение, при котором милитаризм, давящий все народы неизмеримо больше, чем десять Оттоманских империй, взятых вместе, могли бы угнетать болгар, сербов, черногорцев, греков, — приобретает характер оружия, данного самим Богом»³.

С первых же дней империалистической войны С. М. Киров разоблачал ее истинный смысл. «Европа сама у себя на земле, — писал он в статье «Призыв к миру», — приготовила годами, десятилетиями тот горючий материал, который запылал страшным пожаром, освещающим весь мир. Злая необходимость, толкавшая людей создать колоссальные мертвые богатства, продиктовала необходимость сжечь и уничтожить их»⁴.

¹ «Терек», 18 сентября 1912 г.

² «Терек», 19 октября 1912 г.

³ «Терек», 12 октября 1912 г.

⁴ «Терек», 25 сентября 1914 г.

Кровь и страдания народов, разъяснял Киров, никогда не волнуют империалистов, так как любая война несет им баснословные прибыли: «Они не задыхаются от кровавого пота, стоны целой страны не трогают их, не омрачают их душу. «Акулы» спокойно делают свое черное дело»¹.

Рельефность изображения, точность, сочность языка — отличительные черты публицистики Кирова. Он ненавидел сухой, казенный язык, искал свежие, самобытные сравнения, новые, выразительные краски.

С. М. Киров пользовался различными публицистическими средствами и творческими приемами, делавшими его печатные и устные выступления эмоционально насыщенными, яркими, революционно страстными, действенными. Особое внимание Сергей Миронович уделял композиции своих произведений. Все стороны творческого процесса интересовали его и тщательно продумывались: выбор заглавия, «зачин» статьи, манера и темп изложения, переход от одного вопроса к другому, система аргументаций, лексика и синтаксис выступления, его концовка, выводы, образные средства.

Известно, какую роль играет заглавие публицистического произведения. Оно формулирует его идею, показывает авторское отношение к освещаемой теме, выполняет определенную публицистическую функцию. Заголовки кировских материалов кратки, предельно активны, политически насыщены и заострены, содержат оценку: «Биржевые пауки», «В единении — сила», «Ретроградство», «Звезда Гучкова», «Бред октябристов», «Кровавая сказка», «Тоска по кнуту», «Проповедь зла», «Самореклама», «Китайский Наполеон», «Запрещенные вкусы», «Против университетов», «Безграмотная Русь», «Городские хищники», «Прежде и теперь», «Паразиты благотворительности», «Плевелы», «Пьяный съезд», «Не плюйте на пол» и т. д.

Характерны для кировских заглавий сопоставления: «Теория и практика», «Новые мехи и старое вино», «Война и финансы», «Война и деревня», «Война и наука», «100 000 школ и 45 000 лавок», «Националисты

¹ «Терек», 31 июля 1915 г.

и печать», «На словах и на деле» и др. Такой прием продиктован желанием привлечь внимание к острым проблемам современности.

Заглавия кировских материалов говорили о совершающемся, развивающемся, намекая на будущий исход: «Назревший вопрос», «Поход правых», «14 часов труда», «Нет настроения», «Еще Панама», «Начало конца», «Беспартийная партия», «Второе раскрепощение», «Мужицкая гимназия», «Решающий момент», «В лавочке министров» и др.

Часто уже заглавие показывает язвительность, насмешку автора, например «Трогательный альянс». Эмоциональный заголовок фельетона тесно связан с «зачином». Образуя единое логическое целое, он создает сатирический настрой на восприятие всего фельетона. Речь в нем идет о партии «Союз 17 октября», которую «приласкал закон от 3 июня». Киров разоблачает ее реакционную сущность, показывая, что эта правящая партия, служившая опорой царизма в III Думе, «к тихой реакционной пристани пошла форсированным маршем».

Нередко «зачин» статей Кирова строился так, чтобы сразу заинтересовать читателя, увлечь его, ввести в мир фактов. «Что мы не блещем особенной культурностью, — писал он в августе 1910 г. в статье «Наша культурность», — признает, кажется, всякий, не закрывающий глаза на русскую действительность. И если мы иногда кичимся своей просвещенностью, то происходит это благодаря недомыслию.

Уж не Меншиков ли — патриот своей родины, ему ли не бывает частенько даже «дым общества и сладок и приятен», тем не менее и этот столп патриотизма признается иногда в нашей некультурности»¹.

Без пространных рассуждений Киров вводит читателя в существо проблемы, побуждая его искать ответы на выдвинутые вопросы, облегчая восприятие и понимание их. Например, статью «Ошибка гр. С. Ю. Витте» Киров начал так: «На днях в Государственном Совете граф С. Ю. Витте, между прочим, указал, что наши университеты крайне переполнены.

¹ «Терек», 15 августа 1910 г.

Утверждение, конечно, очень отрадное, хотя десять университетов для страны с 180-миллионным населением не могут считаться роскошью»¹.

Иногда «зачин» предваряет итог события, вывод: «Шварц ушел. Это уже не газетный слух, не предположение, это реальный факт.

Не бесполезно было бы подвести итоги его управлению столь важной отраслью, как просвещение»².

Или: «Как известно, в Одессе проходил на днях съезд законоучителей. Центральным вопросом съезда явился доклад священника Кирицы о вреде грамотности. Автор доклада пришел к удивительно крайнему умозаключению: «...грамотность увеличивает преступность и рецидивизм и понижает возраст преступников». Конечно, священнослужителю Кирице «вольнo думать» как угодно и о чем угодно. И его вывод относительно пользы просвещения не мог служить предметом всеобщего внимания, если бы не то обстоятельство, что резолюция Кирицы встретила восторг и одобрение со стороны участников съезда. А архиепископа Херсонского Назария она так тронула и воодушевила, что он предписал напечатать и разослать доклад Кирицы. Таким образом незаметный доселе Кирица неожиданно встал на пороге в истории русской мысли и общественности»³.

«Зачин» у Кирова в этой статье содержит обобщение, предвидение последствий.

Довольно частое явление в практике Кирова-журналиста — статьи, начинающиеся с исторической справки: «Сегодня исполнилось ровно пять лет со дня издания манифеста 17 октября. И что же? Нарушились ли сколько-нибудь сумеречные будни? Блеснула ли хоть где-нибудь искорка света среди тьмы, окружающей русскую жизнь? Ответ может быть только один: нет! Все как было, так и осталось. Та же нудность, надорванность и неопределенность» (статья «Юбилей конституции», октябрь 1910 г.).

Кировским «зачинам» свойственны конкретность, ударность начала, отсутствие лишних слов.

¹ «Терек», 29 мая 1913 г.

² «Терек», 3 октября 1910 г.

³ «Терек», 4 августа 1913 г.

Факты служили Кирову поводом не для острословия, а для пристального исследования жизненных явлений, размышления над ними. Так, поводом для написания фельетона «Смысл великой войны» Кирову послужил следующий факт: генерал Ренненкампф, командующий в период первой империалистической войны войсками Виленского военного округа, «имел случай непосредственно убедиться, насколько... солдаты смутно представляют смысл и значение той великой миссии, которая на них возлагается». Этим самым Киров давал понять, что война чужда рабочим и крестьянам в солдатских шинелях. Они не знают, за что проливают кровь и отдают жизни. Сергей Миронович умел таким образом обнажить смысл скрытого в факте социального явления, показать его значительность, дать ему оценку. Умение отобрать факты, подать и осветить их, столкнуть и сопоставить во многом определяло публицистическое мастерство С. М. Кирова.

Произведения Кирова насыщены прямой речью, живой разговорной интонацией. Вот примеры:

«Один из гласных на последнем думском заседании внес даже запрос по поводу: — Как, мол, так, больница, — вдруг распространяет заразу...» («Друзья гласности». — «Терек», 9 января 1910 г.);

«С раннего утра и до позднего вечера около кельи «предсказателя» можно видеть громадную толпу крестьян... За «труды» предсказателю платят, кто сколько может, и кладут в кружку.

— Батюшка, благослови! Вот у меня сынок на войне девятый месяц и весточки нет. Жив ли он?» («Терек», 10 июля 1915 г.).

Особое значение Киров придавал концовкам своих материалов. В них постановка задач, обличительные вопросы, иронические замечания-осуждения, призывы. Сергей Миронович стремился так подать вывод, чтобы мысль засверкала, точно отражая позицию рабочего класса, его партии, была понятной читателю. Например, статью «Наши благотворители», разоблачающую буржуазную благотворительность, он заканчивает словами: «Можно, конечно, играть в благотворительность, но для этого нужно избрать какой-

нибудь другой объект, а не детей-сирот. Они нисколько не повинны в существовании у вас такой потребности».

Многие черты дореволюционной публицистики Кирова сохранились и в его выступлениях периода революции, гражданской войны и первых лет социалистического строительства. Но новые темы требовали и новых публицистических приемов, выразительных средств. Например, концовка статьи «В царстве Деникина и Колчака» проникнута агитационным пафосом:

«Мы должны помнить, что буржуазный строй добровольно не умрет.

Отдельные трупы могут бежать с фронта, но рабочие и крестьянские массы знают свою силу, им хочется жить, и они никогда не сдадутся.

Смерть или победа! — вот наш лозунг».

В своем творчестве Киров постоянно стремился к максимальной расчлененности материала на композиционные отрезки, каждый из которых отличался логичностью мысли, последовательностью аргументации, убедительностью выводов. Большой интерес в этом отношении представляет его статья «На берегах Терека», опубликованная в «Правде» 2 июля 1918 г. Она посвящена событиям на Кавказе и направлена против гнусных измышлений буржуазной печати.

«За последнее время, — отмечал Киров, — буржуазная и лубочная печать проявляет исключительное внимание к тому, что делается на Кавказе вообще и на Северном Кавказе в особенности...

Этот особенный интерес к Северному Кавказу вполне понятен. Буржуазные публицисты отлично понимают, что значит для Советской России такая житница, как Северный Кавказ...»¹

Главное же состояло в том, развивая свою мысль Киров, что этот край твердо отстаивал Советскую власть и революцию. Это-то и причиняло деятелям из буржуазных газет очень много огорчений. И здесь они применили обычный прием буржуазных газет — клевету. В ход пошли так называемые собственные корреспонденты, «сведущие лица», «авторитетные ли-

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), стр. 37.

ца», сообщившие, что в Терской области идет резня, вновь восстали горцы, изгоняют всех гяуров и т. д.

«Планы авторов этих сообщений, — указывал С. М. Киров, — совершенно очевидны. Они хотят показать, что на Северном Кавказе растет анархия, что власть Советов там не видит иного исхода, как подать соглашательскую руку Краснову, Бычу и компании.

Лучшим разоблачением всей этой гнусной лжи и клеветы явилась бы исповедь правых эсеров и меньшевиков, работающих на Северном Кавказе. Они очень хорошо знают, что там представляет из себя Советская власть... она находит с каждым днем все более и более широкое признание среди многоплеменного населения Терского края»¹. И далее, приведя убедительные примеры этому, С. М. Киров высказывает уверенность, что народы Кавказа уже поняли: свобода, равенство, братство и порядок придут только в результате их совместных усилий, совместной борьбы, в братском союзе с Советской Россией.

С. М. Киров стремился убеждать читателя при помощи доказательств, основанных на фактах, на положениях, взятых из жизни, подтвержденных общественной практикой, вытекающих из интересов революционного народа. Лучший тому пример — яркое публицистическое произведение С. М. Кирова — статья «Деникин на Кавказе», опубликованная в «Правде» 9 сентября 1919 г. Публицист отмечал, что о жестоко-стях, творимых деникинскими бандитами над рабочими, писалось так много, что едва ли есть необходимость что-либо добавлять, но то, что творил Деникин в занятых им областях Кавказа, едва ли знают широкие слои населения. И Киров рисует далее картину неопишемого разгула деникинских банд, когда по всем областям Кавказа непрерывно разносился стон и плач сотен тысяч людей, лишенных в буквальном смысле слова всего, загнанных в горные ущелья, умирающих там от жестокой голодной смерти.

С глубоким знанием событий публицист рассказал о борьбе горцев за свою свободу, о героизме и муче-

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934). стр. 38—39.

нической гибели мужественных сынов Северной Осетии — руководителей партии «Кермен»¹. Киров заканчивал свой материал следующими словами: «Забудет ли горская беднота все это?

Нет, никогда! Горцы глубоко затаили свой гнев против своих насильников, и первые же звуки марша Красной Армии, которые услышат скрывшиеся в ущельях горцы, разбудят их гнев...»².

Одна из особенностей Кирова-публициста та, что он умел четко выделить в материале основную мысль, смысловое ядро выступления. 7 ноября 1920 г. Сергей Миронович опубликовал в журнале «Три года советской работы» свою статью «Три года», осветившую путь, пройденный Советской Россией за три послеоктябрьских года. Он писал: «Изолированная со всех сторон, в стране, разоренной до основания, не вышедшей еще из состояния войны, революция в России переживала страшные затруднения, и нужны были колоссальные усилия рабочих и крестьян для того, чтобы революция стала признанным фактом не только в России, но и в Европе и в Америке»³.

Двумя основными путями, указывалось в статье, распространяла революция свое могущество. Внутри страны она решительно порвала со всеми остатками буржуазно-помещичьей России и через рабоче-крестьянские Советы укрепила свои позиции. Внешнему капиталистическому миру революция не была в состоянии бросить такой же решительный вызов. В отношении его пришлось придерживаться иной стратегии, исходя из того, что разложение борющихся империалистических коалиций неизбежно и что пролетариат Европы учтет результаты мировой бойни, но на это необходимо время. Оно нужно было и для молодой Советской республики, чтобы выковать революцион-

¹ Партия «Кермен» — мелкобуржуазная крестьянская организация, возникшая в Северной Осетии в октябре 1917 г., существовала до июля 1918 г. Название приняла по имени легендарного героя Кермена, боровшегося против угнетателей-феодалов. Партия шла с большевиками. Керменисты героически сражались за Советскую власть.

² С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912 — 1934), стр. 75.

³ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. I, стр. 186.

ную волю рабочих и крестьян. Отсюда решительная тактика партии внутри страны и стратегия в Бресте. Дальнейшие события показали, насколько правильно избраны были эти пути и как беспомощны оказались внутренние контрреволюционные силы, призвавшие на помощь иностранный капитал.

Киров подводит читателя к главной мысли: наше Советское государство не только выстояло в суровой борьбе, но и успешно развивается. И сознание этого укрепилось в умах многих и многих миллионов трудящихся. Заканчивая статью, он указывал: впереди у страны необъятная работа, но самый трудный путь пройден. Три года существования рабоче-крестьянского государства являются лучшей гарантией того, что будущее за ним. *«Возможны еще большие испытания и трудности, — писал Киров, — но зная наше видят трудящиеся всего мира, и нет такой силы, которая бы в состоянии заставить нас свернуть его»* (курсив мой. — А. М.).

Как правило, мысль, высказанная Кировым в начале выступления, получала свое развитие в главной части его и окончательную формулировку в итоге. Это характерно и для его устной публицистики. В речи на митинге в Народном саду 4 сентября 1919 г. (Астрахань) Сергей Миронович говорил:

«Вот уже скоро два года, как вся Россия разделилась на два борющихся лагеря — буржуазию и пролетариат... два огромных гиганта — буржуазия и пролетариат — схватились сейчас в схватке не на жизнь, а на смерть. И тот, кто не принимает участия в этой борьбе, кто бежит от нее, надеясь спрятаться от нее, тот дезертир и предатель своего класса, своих детей и братьев. Теперь не может и не должно быть беспартийных».

И как довод: «не мы и не Деникин выдумывает происходящую сейчас борьбу. Ее диктует нам сама история, и избежать ее или уклониться от нее теперь уже невозможно... Разгоревшаяся сейчас борьба не может уже быть остановлена ни нами, ни буржуазией до тех пор, пока кто-либо из нас не будет побежден»¹.

¹ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. I, стр. 93.

В своих доказательствах Киров всегда опирался на факты реальной действительности, опыт масс. И потому доводы его были неопровержимыми, а публицистические обобщения глубокими, социально значимыми.

Стремясь передать эмоциональный накал, развитие мысли, Сергей Миронович применял в статьях такой стилистический прием, как повторение слов и фраз, однотипных конструкций. Вот пример. В 1919 г. С. М. Киров опубликовал в бакинской большевистской газете «Молот» под псевдонимом Арцу Тохов (по-осетински: «Вернись, победа») несколько статей о борьбе горских народов против деникинцев. Разоблачая представителей местной национальной буржуазии, феодалов и военщину, пытавшихся организовать так называемые горские комитеты для «спасения» кавказских народов, он писал:

«Это — представители все той же буржуазной идеологии, которая с успехом допускает прямо или косвенно, сознательно или бессознательно торговлю судьбами народов, идеологии, у которой есть одна священная обязанность: хвататься за что можно, хотя бы ценою целых поколений народа, но только спасай свои привилегии, капиталы, земли и прочее.

Это — все те же, которые искусно жонглируют понятием родины, национальной идеи, независимости, самоопределения и даже социализма и ими оправдывают все свои преступления против народа.

Это — все те же, кто прямо или косвенно, сознательно или бессознательно пролил обильно красную кровь горцев за то, что те захотели и хотят быть свободными и от царских холопов-князей, беков и генералов, и от демократических опекунов типа Коцева, Цаликова и К^о.

Это — те, кто родил в своих демократических и национальных лозунгах черную контрреволюцию палачей Халиловых, Алиевых, Мальсаговых, Хабаевых и Анзоровых и которые сейчас лицемерно отрещиваются от этих своих детищ в горах.

Мы их узнали, мы узнали по их делам, кто они. Как бы ни наряжались они в демократические и со-

циалистические мантии: все они из мира палачей революции»¹.

Какой огромной силы разящие, будоражащие слова! Картина написана Кировым с таким изобразительным мастерством, нарастающим накалом, с такой истинностью гнева, что читателей газеты не могло не охватить чувство ненависти к предателям, желание бороться с белогвардейцами и их приспешниками.

Прием повтора С. М. Киров использовал и в своих устных выступлениях. Сильное впечатление оставляет его речь на торжественном заседании Ленсовета 6 ноября 1927 г., посвященном десятилетию Октябрьской социалистической революции. Он говорил:

«Вы все, товарищи, *помните*, как развернули мы наше красное знамя десять лет тому назад. Вы все, товарищи, *помните*, что первый наш выход на баррикады явился, прежде всего, ударом по международному империализму... Мы все *помним*, как тогда наши противники, люди, стоящие по ту сторону баррикады, находившиеся как внутри, так и за пределами нашей страны, приняли то великое дело, ради которого мы вышли на улицу»².

Повтор помогает оратору выразить оттенки мысли, чтобы лучше «внедрить» их в сознание слушателей. Он каждый раз возвращает слушателей к предыдущей мысли и тем самым обогащает ее, развивает, усиливает, делает ярче, полнее, понятнее:

«...Вы *знаете*, что и до Октября в истории человечества было много революций... но *ни одна революция* в мире не имела такого исключительного значения, какое имела наша Октябрьская революция...

Вы знаете, что трудящиеся не раз выходили в бой против своих угнетателей, свергали троны, разрушали устои власти господствующих классов, но все же *ни одна революция* не сделала того, что сделала Октябрьская революция»³.

¹ См. «Пролетарская революция», 1940, № 2, стр. 207—208 (курсив в этой цитате и других мой. — А. М.).

² С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), стр. 449, 450.

³ Там же, стр. 451—452.

Особый эффект создает многократное использование одного и того же местоимения. «*Мы* знали, что *мы* вышли на последний и решительный бой... *Мы* знали, что если *мы* не сумеем противостоять натиску наших врагов, на наших спинах будут совершать победную тризну не только наши отечественные капиталисты и помещики, но что нам отомстят, смертельно отомстят и капиталисты всего мира»¹.

Прием повтора слов или словосочетаний приводил к развитию мысли, являлся дополнительным средством усиления логической связи, эмоционального выделения самого главного, основного, определяющего смысла.

Богата палитра художественных красок, которой пользовался Киров в своем журналистском творчестве. Образ, яркая деталь, историческая параллель, меткое сравнение, аллегория, ассоциация, крылатое слово, точный эпитет — все эти средства публицист подчинял раскрытию главной идеи своего выступления.

Киров умел проникать в глубины человеческой души, был замечательным мастером психологического анализа. Это свойство его дарования особенно характерно для записок, посвященных описанию тюремного быта, характеров людей, которых страшная царская действительность сделала преступниками.

Киров пробует передать мечтания, думы этих обреченных людей: «Иногда откуда-то вырывалась нестерпимая жажда жизни, крепко схватывала своими цепкими когтями, бросала и метала из стороны в сторону, открывала беспредельные горизонты. Отовсюду кивала и улыбалась жизнь, полная красок, звуков и любви. И звала своим всепокоряющим голосом, полным музыки и очарований. Будила угасающие надежды... Но за всем этим вставал гигантский призрак, при виде которого цепенело все живое. Он поднял свою беспощадную руку и уже готов снести все, что так страстно и мучительно зовет к себе»².

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), стр. 455.

² Цит. по: С. Синельников. Киров, стр. 135.

Записки отличаются не только яркостью психологических характеристик, но и насыщенностью авторскими индивидуальными интонациями, внутренним напряженным драматизмом. «Ты говоришь, — писал жене Сергей Миронович, — что на тебя произвело большое впечатление чтение тюремной картинки, которую я дерзнул набросать? Но ведь это только слабый, неграмотный лепет»¹. Так строго судит Киров свои записки. И далее поясняет: «Бытописатель тюрьмы должен быть одарен громадным талантом провидения, ему необходимо обладать целой связкой ключей, которыми он легко отмыкал бы запоры человеческих душ. Пламенным языком он должен излагать мрачную книгу беспросветной гордости. Кровью должна быть написана эта книга»².

Приведенное письмо — свидетельство высокой требовательности публициста к себе, к своему журналистскому творчеству.

Есть в публицистическом наследии С. М. Кирова и произведения глубоко лиричные. Таковы, например, очерки, опубликованные в «Тереке». Они наполнены проникновенно написанными, запоминающимися поэтическими образами природы.

Глазом настоящего художника увидел Киров величественную природу Кавказа. В очерке «Восхождение на Казбек» Сергей Миронович писал: «Сквозь безбрежное море облаков... слабо пробивались лучи солнца. Облачное море непрерывно колыхалось, образуя гигантские волны. Местами показывались вершины гор, напоминающие тонущие корабли во время страшной океанской бури... Кругом мертвая, безжизненная тишина. Но вот с востока из глубины облаков торжественно поднимается яркое утреннее солнце, обливая золотистыми теплыми лучами снежные поля и вершины Казбека... Какой простор!.. Какое разнообразие цветов и тонов в этих скалистых утесах бесконечной цепи гор, теряющейся где-то далеко-далеко. А там безбрежная равнина, убегающая на север, по которой ползают самые причудливые тени облаков...»³

¹ «Письма из Сибири. Отцы», стр. 173.

² Там же, стр. 173—174.

³ «Терек», 2 сентября 1910 г.

Пройдет несколько лет, и Сергей Миронович, выступая на Народном съезде Терской области, совсем по-иному скажет о красоте Кавказских гор, что «не только красота скрывается в горах Кавказа, но что эта цепь гордых скал явится той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня затаенных надежд истинных сынов демократии»¹.

Поэтические образы Сергей Миронович употреблял не ради украшения стиля, а для того, чтобы добиться впечатляемости выступления, увлечь читателя, лучше раскрыть содержание.

Применяя художественные образы, С. М. Киров создавал блестящие образцы устной публицистики в послеоктябрьский период. Приведем один из них.

«Мы знаем, — говорил Сергей Миронович 26 марта 1919 г. на митинге в Астрахани, — что впереди нас еще предстоит тяжелая и суровая борьба... Шестнадцать месяцев тому назад мы, которых в лучшем случае прославляли за наше безумство храбрости, и не больше, мы вышли в безбрежное море разбушевавшегося империализма почти совершенно одни... в обстановке невероятных лишений и борьбы с буржуазным миром нас жестоко бросало из стороны в сторону. Были моменты, когда наша небольшая ладья почти опрокидывалась. Мы ... выдержали все испытания, и теперь мы пересели с нашей ладьи на крепкий пролетарский корабль... Ленин является рулевым этого корабля, и мало-помалу спереди и сзади подплывают все новые и новые смельчаки и садятся на наш пролетарский победоносный корабль»².

С. М. Киров часто употреблял образные характеристики: «Мы несем священный огонь пролетарской борьбы», «Наша партия тверда, как гранит! Наша партия едина, нераздельна, как монолит», «Комсомольцы — это всходы, выросшие уже на советской ниве, прекрасные всходы...» и др.

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), стр. 36.

² Там же, стр. 45.

Важным средством для достижения выразительности Кирову-публицисту служили тропы, главным образом метафоры и метонимии. Нередко он использовал яркие народные метафорические выражения, например: «Наша задача сейчас — приготовить Деникину не белый саван зимы, а черный саван лета»¹.

В докладе на IV съезде Советов Астраханской губернии 22 ноября 1919 г. Киров говорил: «Товарищи! Когда мы начинаем вспоминать о сказочном превращении нашего отечества... в нашей памяти воскресают картины прошедшего... Рисуется мрачная ночь, окружавшая тогда не только Россию, но и весь земной шар, когда в воздухе, насыщенном ядовитыми парами империалистической войны, в нашем красном Петрограде взорвалась первая бомба коммунистической революции»².

Весь доклад Сергея Мироновича был высокоэмоциональным. Публицист применил множество запоминающихся метафор: «Россия нарушила империалистический концерт», «агитационный козырь», «коммунистический панцирь оказался надежной защитой», «последняя вспышка мирового империализма», «каждая неудача омрачает ум и обливает кровью буржуазное сердце» и др.

Метафорические выражения служили важным средством для воспитания уважения, симпатий, любви к социалистической революции, к социалистическому отечеству. Особенно запоминаются метафоры, связанные с романтикой революционных преобразований, утверждением нового строя. 1 мая 1919 г. Киров опубликовал в газете «Красный воин» статью «Первое Мая и Колчак». Она наполнена уверенностью в победе, воспринимается как призывный клич к стойкости и решительной борьбе с врагом. «Сегодня, — писал публицист, — мы — ратники великой схватки труда и капитала — ясно чувствуем, что на земле нет места, где не было бы слышно призывных песен рабочего класса. Сегодня весь обездоленный мир смотрит к солнцу,

¹ «Коммунист», 3 августа 1919 г.

² С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), стр. 49.

сегодня рабы капитала становятся королями вселенной и делают новый верный переход к победе»¹.

Пламенные слова статьи не только воспроизводят картину героической борьбы, но и зажигают революционный энтузиазм, готовность пойти на самопожертвование во имя пролетарской революции.

Удачным подбором эпитетов, сравнений, контрастов С. М. Киров добивался удивительно сильной и точной характеристики общественных явлений, например: «...весь земной шар раскололся на два гигантских, но не равных полушария: на одном ночь, мрак и запустение и мертвое слово — смерть, на другом — жизнь, работа и творчество и победное слово — вперед к новой жизни»².

Публицистическим выступлениям С. М. Кирова присущи эмоциональная выразительность, сочетание точных и убедительных фактов. Эмоционально-экспрессивными речевыми средствами С. М. Киров добивался яркого показа успешного строительства социалистического общества в СССР, роли его примера в определении путей человечества.

В 1933 г. в речи на I съезде колхозников-ударников Ленинградской области и Карелии Сергей Миронович, рисуя будущее развитие человеческого общества, говорил: «...какие бы союзы между собой ни заключали капиталисты, какие бы козни капиталисты всех стран ни строили против великого рабоче-крестьянского Советского Союза, сейчас не подлежит никакому сомнению, что ни той эмблеме, которая изображает льва, ни той эмблеме, которая изображает орла с одной или с двумя головами, — будущее не принадлежит. *Будущее принадлежит той эмблеме труда, которая нарисована на наших знаменах, с которыми мы вышли в Октябрьскую революцию, будущее принадлежит Серпу и Молоту*»³.

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), стр. 49.

² С. Киров. Статьи и речи, стр. 135—136.

³ С. Киров. Ленинградские большевики между XVI и XVII съездами ВКП(б), Л., 1934, стр. 375—376.

Пламенный трибун достиг вершин политического пафоса, рисуя деятельность большевистской партии — великой организации революционеров. «Мы обязаны, товарищи, — говорил С. М. Киров, — нашими победами тому, что мы имеем огромную Коммунистическую партию, в которой собрано все лучшее, все творческое и революционное из среды славного рабочего класса СССР.

Мы имеем такую партию, которая умеет праздновать победы своих великих работ. Мы имеем такую партию, которая не сгибает своей большевистской головы ни перед какими трудностями и опасностями, порожаемыми изнутри и извне»¹.

Партия была для С. М. Кирова воплощением всего самого светлого, дорогого, величественного. Со всей силой своего публицистического мастерства Сергей Миронович призывал проводить в жизнь намеченные партией решения. От этого зависело успешное и действительно победоносное продвижение вперед. Киров постоянно указывал на необходимость изучения истории нашей партии: «Каждый шаг, каждая страница, каждая строка истории нашей партии — это не просто хроника событий, это огромная глубокая наука, не зная которой нельзя делать пролетарскую революцию»².

Партийное воспитание, изучение марксизма-ленинизма Киров ставил в центр внимания. *«Чем крепче, чем шире мы будем внедрять,—говорил Сергей Миронович,— во все звенья нашего огромного партийного организма, во все звенья нашего огромного советского аппарата принципы ленинизма, тем тверже, тем надежнее пойдет наше движение вперед по укреплению и расширению позиций социализма»*³.

Сергей Миронович оставил прекрасные образцы полемического мастерства — умения пользоваться словом, вести спор, побеждать идейного противника. Основное оружие полемического искусства Кирова —

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи, стр. 641.

² С. Киров. Ленинградские большевики между XVI и XVII съездами ВКП(б), стр. 232.

³ Там же, стр. 180.

логика. Отстаивая принцип ясности цели, он стремился раскрывать внутреннюю логику событий через всевозможные зигзаги и отклонения в ходе борьбы. Особенно ярко это проявилось в выступлениях против оппозиционеров — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и прочих фракционеров.

Так, горячо защищая на XIV съезде партии ленинский курс развития страны от нападков «новой оппозиции», Киров убедительно показал, что оппозиционеры не верят в творческие силы рабочего класса, в возможность индустриализации страны, социалистической перестройки деревни, что троцкисты и зиновьевцы добиваются по существу разрыва союза рабочего класса с трудовым крестьянством.

Злобным вымыслом капитулянтов и маловеров Киров противопоставил реальные факты, подчеркнув, что партия, рабочий класс успешно осуществляют ленинские предначертания: быстро восстанавливается советская промышленность, все прочнее становится экономическая смычка между городом и деревней, пробуждаются все силы нашей великой страны.

Просто, четко и популярно Киров разъяснял во многих своих выступлениях вред капитулянтской политики оппозиционеров, направленной на превращение нашей страны в придаток капиталистического хозяйства. Умение глубоко раскрывать сложные проблемы общественного развития, убедительно, ярко и образно излагать свои мысли, находить ключ к сердцам людей — это результат вдумчивой подготовки к каждому выступлению. Сергей Миронович высмеивал пропагандистов, докладчиков, которые слабо готовятся к встрече с аудиторией: «Плетет-плетет докладчик, выслушает его собрание, примет постановление: просим этого докладчика в следующий раз не присылать. И ведь докладчик-то вовсе не плохой, а просто не подготовился»¹.

Полемика, которую Киров вел с различными врагами партии, отличалась резкостью, гневной формой высказываний. Он следовал в этом отношении за

¹ С. М. Киров. «О народном просвещении и воспитании», стр. 94.

В. И. Лениным, который считал вредным для политического дела сглаживание острых углов. Так, выступая на XV съезде ВКП (б), С. М. Киров говорил: «...я думаю, на теперешнем XV съезде надо действительно доделать то, что не было доделано на XIV съезде партии: нашу оппозицию нужно отсечь самым решительным, самым твердым и самым беспощадным образом... Все то, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти, а нам с вами дорога только вперед и только к победам!»¹.

Однако, как бы горячо и гневно ни полемизировал Киров с врагами ленинизма, он никогда не допускал необоснованных обвинений, оскорбительных выпадов. Сергей Миронович убеждал аудиторию силой ленинской правды, всесторонней аргументацией, умением популярно изложить самые глубокие теоретические положения. Яркий и образный стиль его печатных и устных выступлений, ссылки на художественную литературу, народные пословицы и поговорки, острое словцо — все это было не ради пустого красноречия. Полемика с противниками носила конкретный характер, была посвящена актуальным политическим и экономическим проблемам, важным вопросам духовного развития общества.

Журналист С. Полесьев, много лет проработавший в газете «Ленинградская правда», вспоминает: «Киров-трибун не старался поразить своих слушателей красноречием, не бил на эффект, ему были чужды ораторские ухищрения, он говорил очень просто, как бы беседовал с аудиторией по душам. И касался он часто дел, так сказать, обычных и повседневных... Сила речей Кирова была в том, что он умел видеть и ярко показать значение той работы, которую занят на своем посту каждый советский человек, как частицы великого дела, творимого народом»².

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912 — 1934), стр. 487—488.

² «Наш Мироныч». Воспоминания о жизни и деятельности С. М. Кирова в Ленинграде. Л., 1969, стр. 403.

С. М. Киров тщательно продумывал аргументационную часть своих выступлений. 18 мая 1928 г., объясняя на собрании партийного актива Петроградского района Ленинграда, как партия рассматривает вопрос о развитии критики и самокритики, Сергей Миронович говорил: «Лозунг критики и самокритики партия выдвигает не случайно. Правда, наши враги дело истолковывают таким образом, что вот, мол, пролетарской диктатуре стало невмочь, что Коммунистическая партия почувствовала себя плохо, — отсюда новый маневр, брошена новая кость рабочему классу в виде этой самой критики. Но это могут говорить только наши враги.

В действительности, — продолжал оратор, — дело происходит совершенно иначе...

Вспомните, товарищи, в каких условиях мы работали. Со всех сторон нас теснили враги. Внутри страны мы испытывали голод и холод. Все это, вместе взятое, служило для нас проверкой.

За каждую совершенную нами ошибку мы расплачивались тогда своими собственными головами...

Теперь мы вступили в новый период... наладили свое хозяйство достаточно основательно, укрепили наше сотрудничество с крестьянством... Но для того, чтобы наша партия, достигнув известного благополучия, не стала особенно «благоденствовать» и почивать на лаврах, необходимо, чтобы она жила и изо дня в день развивалась.

...А это возможно только посредством могучего оружия, не случайно взятого в руки партии, которое называется критикой и самокритикой»¹.

Сергей Миронович не просто провозглашал выдвинутый партией лозунг, а всесторонне обосновывал и неопровержимо доказывал его необходимость и актуальность. При этом он, сопоставив факты и явления в их связи и развитии, подвел слушателей к логическому выводу: лозунг критики и самокритики являлся для того времени одним из центральных лозунгов дня.

¹ «Борьба пролетариата». Ученые записки Ленинградского института истории ВКП(б), 1941, № 3, стр. 3—4.

Безгранично преданный Коммунистической партии, не боящийся никаких трудностей, упорно, смело и твердо шагающий вперед, Киров всегда и всюду непримиримо отстаивал генеральную линию партии, боролся за чистоту марксизма-ленинизма, за единство и сплоченность партийных рядов. Глубоко веря в победу коммунизма, он зажигал этой верой окружающих, сплавлял их, вливал в их сердца уверенность и непоколебимость, могучий энтузиазм в труде.

С. М. КИРОВ О ЖУРНАЛИСТИКЕ И ЖУРНАЛИСТАХ

ПРИВЕТ ОТ СЕВ.-ЗАП. БЮРО и ЛК ВКП(б)

Рабселькоровское движение — наиболее яркое проявление самодеятельности широких рабочих и крестьянских масс. Вскрывая все недочеты и все достижения нашего хозяйственного и советского строительства, рабселькоры активно помогают партии строить социализм в нашей стране. Своими заметками рабселькоры сигнализируют партии о настроениях и запросах рабочих и крестьян Советского Союза.

Рабселькоровское движение в Сев.-Зап. области и в Ленинграде после XIV-го партсъезда вступило в новый этап своего развития. Заканчивается переход на всесоюзные формы рабселькоровской организации. Поставлен на очередь дня вопрос об уточнении взаимоотношений между партийными и хозяйственными организациями, с одной стороны, и рабселькоровскими — с другой. Медленно, но верно изживаются допущенные в прошлом организационные и тактические ошибки, выковываются новые формы организации работы и руководства рабселькоровским движением.

В этих условиях вопрос об издании своего областного руководящего органа приобретает исключительно важное значение. Новый журнал «Рабселькор» призван облегчить рабселькоровским организациям области и Ленинграда переход на новые рельсы, помочь им осмыслить целый ряд стоящих и встающих перед ними серьезных задач, обобщать и направлять работу рабкоров и селькоров на местах. В тесной связи «Рабселькора» не только с корреспондентами, но и партийными организациями области и Ленинграда —

лучший залог успешного разрешения поставленной перед журналом данной ответственной задачи.

Привет новому организатору и руководителю рабселькоровского движения области — «Рабселькору».

Секретарь Сев.-Зап.
Бюро ЦК и ЛК ВКП(б)

С. Киров

«Рабселькор», 1926, № 1.

О РАБКОРАХ

(Из выступления на открытии клуба
рабкоров «Ленинградской правды»
3 апреля 1926 г.)

...На парадных вечерах принято говорить только приятные вещи. Мы подойдем к вопросу иначе. Рабселькор владеет сильным оружием — пером. Это оружие имеет то свойство, что всякий им владеющий легко увлекается. Есть опасность, что это перо будет легко скользить по нашим достижениям. Но задача рабочей печати — освещать не только достижения, а говорить и о наших недостатках. Здесь, однако, надо быть сугубо осторожным. Надо помнить, что эти недостатки — наши раны. Не надо посыпать их солью.

Среди теней нашей жизни надо по зернам выбирать здоровую правду, нанизывая ее в коротеньких строчках, которые укладываются ежедневно в газету и в нескольких миллионах экземпляров рассеиваются по нашей огромной стране.

Эти строчки являются одной из движущих сил в деле культурного воспитания нашего многомиллионного народа.

Мы еще не дошли до того, чтобы все действительно по-настоящему могли оценить всю важность рабселькоровской работы. Пройдет еще немало времени, когда каждый из нас поймет всю важность этой работы. Мне бы очень хотелось, чтобы этот момент наступил как можно скорей.

Восемь лет тому назад мы все поставили перед собой задачу — обновление всей жизни человечества. Когда наши стремления осуществляются, когда настанет

эта счастливая минута, мы оглянемся на пройденный путь и поставим тогда памятник творцам новой жизни, тем, кто силы свои положил на воплощение наших задач.

Первые слова на этом памятнике будут посвящены вам, рабочие корреспонденты. Помните же те обязанности, которые на вас лежат.

«Ленинградская правда»,
6 апреля 1926 г.

МОГУЩЕСТВЕННОЕ ОРУЖИЕ

(Из речи на торжественном заседании
в День печати 5 мая 1927 г.)

...История нашей рабочей коммунистической печати является по существу историей партии, историей революции: все поражения и победы, которые переживала и переживает наша печать, совпадают с теми же этапами в развитии Коммунистической партии. И так же, как Коммунистическая партия воспитывалась и получала закалку в казематах, ссылке и каторге, так и наша рабочая коммунистическая печать зарождалась и прокладывала себе путь в подобных же условиях.

ЗАРОЖДЕНИЕ «ПРАВДЫ»

Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия, нам удалось раньше, чем где-либо, создать рабочую коммунистическую печать. «Правда» зародилась в 1912 году, в период разгула царской реакции. Но и тогда мы нашли силы к созданию ежедневной рабочей газеты. Уже на первых порах «Правда» имела значительный тираж. Рабочие ждали с нетерпением выхода каждого номера. Газета создавалась буквально на рабочие гроши, и этот факт имел, разумеется, колоссальное значение. Имея газету, революционное движение из подполья, из тюрем и застенков начало выбиваться на широкую дорогу.

Подводя итог шестимесячному существованию «Правды», Владимир Ильич оценивал как большое

историческое событие тот факт, что рабочие на свои пятаки сумели создать ежедневную большевистскую рабочую газету.

«Правду» закрывали, но голос «Правды», зажимаемый рукой полицейщины, продолжал звучать. *«Правда» умела указывать путь рабочему движению в годы мрачной реакции. «Правда» умела находить подлинно ленинские пути в периоды всевозможных затруднений.*

Развитие нашей печати шло вместе с развитием нашей партии. При помощи печати партия организовала вокруг своих знамен рабочих и крестьян, двинула их против твердынь царизма, боролась в первых Советах против меньшевиков для Октябрьской победы.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Сейчас перед нами новые задачи, новая работа. Не менее важная и не менее ответственная работа, чем в тот, богатый героическими событиями, период. *Сейчас мы строим в нашей стране социализм. Осуществить эту грандиозную задачу мы сумеем в том случае, если глубоко, без остатка захватим массы всего трудящегося населения, если вокруг наших задач мобилизуем всех трудящихся нашей страны. В этом деле нашей печати принадлежит исключительное значение.*

Мы выпускаем ежедневно из наших печатных станков свыше пяти миллионов партийных и рабочих газет. *В таком широком масштабе газета никогда не распространялась в нашей стране. Наша печать — огромный рычаг, вокруг которого группируются массы рабкоров и селкоров. Печать проникает в самую гущу рабочих и крестьян, при помощи ее мы узнаем жизнь заводов, фабрик, самых отдаленных деревень. Разумеется, наши газеты не являются образцом совершенства. Еще многое требуется, чтобы сделать их совершенными.*

Наша печать помогает нам разрешать самые сложные задачи. Возьмите индустриализацию страны. Эту

тяжелую ношу мы поднимем в том случае, если за нее возьмутся все трудящиеся. Наши газеты читаются миллионами, и мы имеем поэтому право считать, что привлечем через печать к этой задаче, к задаче индустриализации страны, внимание широчайших масс.

Возьмем другую задачу — борьбу с бюрократизмом. И здесь печати принадлежит огромная роль. Недостатки хозяйственного механизма, этой огромной машины, не так легко выявить. В этом направлении наша печать тоже должна открыть усиленный огонь.

УЛУЧШАТЬ КАЧЕСТВО

Печать — это основной приводной ремень нашей государственной работы. Мы должны помогать изо дня в день совершенствовать этот приводной ремень. Каждый из вас знает, какое большое значение придается у нас улучшению качества продукции. В такой же степени стоит перед нами задача улучшения качества нашей печати. Печать — сложный механизм. Об этом нельзя забывать ни на минуту. Надо этот сложнейший механизм всячески совершенствовать.

Раньше печать называли шестой или еще какой-то другой державой. Не знаю, какой считают ее по счету теперь. Но это сравнение заслуживает внимания. Буржуазия, которая называла печать шестой державой, понимала, какое значение имеет печать.

Изо дня в день должны мы улучшать качество нашей советской и коммунистической печати. У вас, товарищи, в руках тонкое и могущественное оружие. Пользуясь этим оружием, можно иногда допустить ошибки. *Надо, чтобы печать была окружена величайшим вниманием, чтобы она могла все лучше и лучше выполнять поставленные перед нею задачи.*

Улучшая качество нашей печати, каждый из нас должен сознавать в то же время, что основным путеводителем и основным руководителем нашей печати является Коммунистическая партия. Чем ближе будет наша печать к партии, чем лучше она будет исполнять директивы партии, тем легче будет избежать ошибок.

Только самая близкая связь между партией и печатью приведет нас к осуществлению великого дела, которому мы служим.

Наша печать имеет огромные заслуги в прошлом. Не меньшие задачи стоят перед ней в будущем. Эти задачи она сможет осуществить целиком и полностью только в полном и тесном содружестве с рабочим классом нашей страны.

Не все так любят нашу печать, как мы. Наши враги ее называют гнусной и ядовитой. Но если мы с негодованием отбрасываем первый эпитет, то вторую ее черту, ядовитость, мы признаем всецело и горячо приветствуем. У нашей рабочей печати с самого начала ее возникновения было подлинно ядовитое жало, которым она жалила и убивала своих классовых врагов.

В СЕГОДНЯШНИЙ ПРАЗДНИК

В сегодняшний праздник 15-летия нашей коммунистической печати мы должны пожелать, чтобы наше свинцовое печатное слово стало еще ядовитее, еще горячее.

Мы сумели расчистить наш путь у себя, внутри страны, но не нужно забывать, что вокруг нас стоят тесной стеной наши классовые враги. Трудно сказать, разразится ли нависшая над нами гроза или тучи рассеются. Наша печать должна быть во всеоружии и наготове.

Родившаяся 15 лет тому назад «Правда» была и осталась не только нашей правдой, но и правдой всего мира. Она сумела все эти 15 лет осуществлять великие заветы Карла Маркса и проводить идеи нашего учителя Ленина.

Наша «Правда» должна звучать набатным колоколом до тех пор, пока наши идеи и наши призывы не проникнут в сознание пролетариата всего мира. Этот набатный колокол должен раздаваться на весь мир, пока не увенчается победным гимном.

Мы победим. Как из искры мы сумели зажечь горячо вспыхнувшее пламя, так мы сумеем разжечь и мировой пожар.

Сегодняшний праздник есть праздник нашей дорогой большевистской «Правды» и всей нашей коммунистической и советской печати.

«Ленинградская правда»,
6 мая 1927 г.

ПИСЬМО С. М. КИРОВА¹

Уважаемый товарищ!

Получил оба ваши письма. К сожалению, ваша, видимо, исключительная настойчивость, вызванная горячим желанием поступить в Институт журналистики, мне не совсем понятна по двум основным причинам.

1) В Институт журналистики принимают, едва ли не исключительно, рабкоров и селькоров, вернее — лиц, прошедших соответствующие стадии журналистики, но не имеющих необходимого минимума общих знаний, что мешает им стать настоящими журналистами.

2) Второе основание менее скромное. А именно: если вы думаете посвятить себя журналистике, то для этого, по-моему, необходимо некоторое испытание себя. Я думаю, что для серьезной журнальной работы нужны данные, которые ни в каком институте найти нельзя, т. к. институт поможет только отшлифовываться, но не сделаться журналистом. Этим я, конечно, отнюдь не хочу сказать, что у вас этих данных нет. Я вас почти не знаю. Я хочу сказать только одно — нужно некоторое испытание, проба, ибо без этого, насколько я знаю, в институт поступить нельзя. Цель нашего института — готовить квалифицированных журналистов (кстати сказать — этого пока не выходит, отчасти по той именно причине, о которой я говорю выше. Пока из института выходят только ремесленники и то незавидные).

Мне кажется, что если вас привлекает журналистская работа — надо начать ее, начать хотя бы с местной газеты, вначале приватно, а дальше будет видно.

¹ Письмо относится к 1928—1929 гг. Оно было найдено в посмертном архиве С. М. Кирова и впервые опубликовано в 1935 г.

Все это я говорю не в целях отписки, а потому, что хочу помочь вам. Учтите и то, что к журнальной работе я имел некоторое отношение и поэтому говорю о ней не без оснований. Я знаю историю очень многих крупных и заурядных журналистов.

Если вы решили для себя этот вопрос категорически в положительном смысле, тогда необходимо подать соответствующее заявление в местный партком и действовать в соответствующем порядке. Во все учебные заведения, вы знаете, установлены разверстки, обойти которые очень трудно. Во всяком случае без отзыва местной организации не обойтись.

Так мне представляется дело.

С коммунистическим приветом

С. Киров

«Большевистская печать»,
1935, № 22, стр. 3.

ИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДСТВА С. М. КИРОВА

ОТСТАВКА ШВАРЦА ¹

Шварц ушел. Это уже не газетный слух, не предположение, это реальный факт.

Не бесполезно было бы подвести итоги его управлению столь важной отраслью, как просвещение.

Лучшим показателем в этом отношении служат плач и рыдания тех, кто жил с г. Шварцем одной душой, — Пуришкевич, Дубровин и прочая реакционная камарилья. Они не могут найти достаточных слов для выражения своей скорби по поводу утраты такого «достойного», «русского» правителя, каким был «покойный» Шварц.

— Плачь, Россия, — ты потеряла одного из славных кормчих русской государственной жизни!

С уходом этого «честнейшего, благороднейшего администратора судьба школьной реформы подвержена новым случайностям».

Такие «некрологи» пишут представители нашей реакции.

Давно известно, что [если] реакционная камарилья бьет в литавры и поет дифирамбы, — стране нужно плакать. Когда рыдают они, — стране незачем лить слезы.

Так и в данном случае.

При всем желании мы не можем указать ни одного светлого пятна в двухсполовинолетней деятельности г. Шварца. От начала до конца она представляла собою что-то в высшей степени натянутое, каждый шаг его сопровождался тревогой и напряженностью русского общества.

¹ С. М. Киров. О народном просвещении и воспитании, стр. 24—26.

Насколько триумфально был обставлен первый день министерства Шварца, настолько бесплодно было его все последующее пребывание во главе министерства просвещения.

Вспомните его полную красивых слов и глубоких уверений речь, сказанную им при вступлении на министерский пост чинам подведомственного ему министерства.

«Главный недочет в состоянии нашего ведомства, — говорил тогда Шварц, — заключается в следующем: министерство само в лице своих представителей произнесло над старым строем нашей школы приговор не менее суровый, чем тот, который произнесло над ним и общество. Но оно, к сожалению, до сих пор ничего не поставило на место осужденного им строя. Между тем жизнь не ждала, назревшие вопросы требовали того или другого решения, и так как твердая почва закона уже давно была здесь почему-то оставлена, то в результате получилось нагромождение случайных, подчас даже несогласованных между собой распоряжений, совершенно сбивших с толку исполнителей... Мы не можем далее безучастно относиться к чаяниям общества, давно ожидающего пересмотра всех вопросов обучения и воспитания, и вот почему скорейшую выработку законоположений, определяющих жизнь школы, создание условий, при которых эта жизнь вполне могла бы идти на прочном основании закона, я считаю первой обязанностью ведомства».

Какая ирония!

Суровый приговор над старым строем... Не можем безучастно относиться к чаяниям общества...

Что это? Плод упоения от только что полученного портфеля или игра с общественным мнением? А, может быть, шарж на конституционного министра?

Возможно и то, и другое, и третье.

Во всяком случае это была красивая речь и только. Деятельность же служила блестящим и решительным опровержением ее.

Начал Шварц с высшей школы (ведь она особенно ждала обновления!), и здесь сказался весь его «государственный гений».

Он сам был долгие годы профессором старейшего университета и знает ее.

Оказалось, по его мнению, что *alma mater*¹ прежде всего нуждается в полицейском приставе, которого он и поставил во главу угла выработанного им университетского устава. Сообразно с этим он «подтянул» и все другие стороны университетской жизни.

В результате получился штат чиновников вместо профессоров и студентов, и над всеми «реет квартальный».

Даже совету министров это показалось слишком неконституционно, и устав потерпел крушение.

Шварц не унывал, выработал новый устав, судьба которого находится в руках Думы.

Не осталась в загоне и средняя школа.

Много было посвящено ей труда и времени, и все воплотилось в проект реформы средней школы, внесенный недавно в Государственную думу. В свое время мы говорили о нем. В общем, в нем все сводится к перемене названий: реальные училища называются гимназиями и проч.

Самое крупное, что было предпринято Шварцем, это всеобщее обучение. Но здесь дело идет черепашным шагом, ибо за последнее время наши просветители увлечены другим: потешными ротами.

Этим далеко не исчерпывается вся деятельность Шварца. За ним числится целая серия циркуляров, разъяснений, постановлений и проч., коими Шварц стремился создать «русское» просвещение, почему мерилом пригодности для жрецов науки всех рангов служила их политическая благонадежность.

Что же потеряла многострадавшая русская школа с уходом Шварца?

Ничего. Она только освободилась от тисков, крепко державших ее в течение двух с половиной лет.

Но надолго ли? Это покажет заместитель Шварца, г. Кассо.

С. Миронов

«Терек» № 3839, 3 октября 1910 г.

¹ Здесь синоним университета, высшей школы в целом. — А. М.

**К столетию со дня рождения
В. Г. Белинского¹**

**«Чем ночь темней,
Тем звезды ярче»**

Непроглядно мрачным пятном на страницах нашей истории лежит трагическая эпоха 30—40-х годов прошлого столетия. Она являет собою кульминационный пункт развития дореформенного периода 60-х годов. Здесь воплотился во всей полноте дворянско-крепостнический режим, уснащенный высшей формой бюрократизма. Господство последнего проникало буквально всюду, не только во все формы внешней жизни тогдашнего общества, но и в «сердце, и тайные людские помыслы». На всем лежала тяжелая печать бюрократизма, признававшегося альфой и омегой государственной мудрости. Бюрократическая система была возведена на такой пьедестал, подходить к которому считалось преступлением против самого неба. Можно было только с рабской молчаливостью взирать на него и беспрекословно исполнять все, что оттуда исходило... «Должно повиноваться, рассуждения свои держать про себя», — говорится в одной резолюции Николая I. Ни о какой, так называемой, общественности в ту эпоху не могло быть и речи. Общественная, литературная, художественная и научная деятельность подчинялась строгой бюрократической опеке, и все, что «не согласно ни с достоинством правительства, ни с порядком, к счастью, существующим», беспощадно изгонялось. Вся наука, как чистая, так и прикладная, находилась в строгом подчинении господствующей правительственной системе.

Профессор физики «обязан во все продолжение курса своего указывать на премудрость божью и ограниченность наших чувств и орудий для познаний непрестанно окружающих нас чудес». Профессора истории должны были доказывать, что Россия «в истинном просвещении упредила многие современные государства».

¹ «Красная новь», 1939, кн. 10-11, стр. 145—147 (статья печатается с небольшим сокращением).

В таких тисках находилась и литература — жертвенница свободной мысли. По действующему в то время цензурному уставу, как выразился один цензор, можно было даже и «*«Отче наш» истолковать якобинским наречием»*».

Таким образом названная эпоха тормозила развитие не только общественно-государственных форм жизни, практическое разрешение которых представляла тогда Западная Европа, но и движение научной мысли, покрывая все беспросветным мраком ночи и заглушая малейший проблеск знания и живой деятельности, ищущей новой жизни.

В такую эпоху жил Виссарион Григорьевич Белинский.

Судорожно сжималась общественная мысль от окружающего холода и бессильно металась в потемках мрачной эпохи, представлявшей рубикон, отделяющий крепостнический уклад от новых общественных форм. Белинский в детстве еще познал весь трагизм окружающей его жизни, который до болезненности глубоко запал в впечатлительную и чуткую душу его, что нашло впоследствии свое яркое выражение в юношеской трагедии, повлекшей за собой для Белинского «*лишение звания студента»*». Здесь сразу сказался «*неистовый Виссарион*», которому не было места в казенной науке.

С этого момента и началась история поучительно-страстных исканий В. Г. Белинского. Он воплотил в себе весь протест против окружающей «*гнусной действительности*» и все величие своего гения устремил к отысканию истины.

«*Истину назови мне!*» — взывал он к проникновенному разуму. Жадно, неутомимо и страстно бросился он в поиски за ней, и мощный голос его, как трубный звук, стал оглашать мрачную эпоху, сзывая все живое и лучшее, способное воспринять правду-истину и правду-справедливость. От юношеской трагедии «*Дмитрий Калинин*» до предсмертных писем его все проникнуто этим пылким исканием.

Как ни отгораживала бюрократия русскую общественную мысль от западноевропейского влияния, как ни старалась заглушить гром пушек «*эпохи револю-*

ций», отголоски его были ясно слышны на русских нивах, и мыслящая часть общества с жадностью ловила их. Белинский среди обративших свой взор на Запад занял сразу одно из первых мест и всю силу своего гения направил на немецкую философию, в то время, как другая часть искателей обратилась к французским утопистам. Роль Белинского в истории этих исканий неизмерима, именно ему обязано тогдашнее русское общество своим посвящением в немецкую метафизическую житницу. Но не немецкой философии, конечно, суждено было успокоить «неистового Виссариона», как величественна и стройна ни была она с первого взгляда. И если Фихте подсказал Белинскому отбросить окружающую его действительность, как призрак, противоречащий идеалу, а Гегель преподавал свою сугубую абстракцию — «все действительное разумно, и все разумное действительно» — и заставил Белинского примириться с безотрадной русской реальностью, — то в том и другом случае успокоение было только временным, служило переходной ступенью от одного мирозерцания к другому. Белинский вскоре почувствовал, что признать, вслед за Гегелем, Пруссию «совершенным государством», значит отрицать процесс всякого развития, оказаться философским банкротом.

И в 1840 году Белинский пишет Боткину: «Я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеей идей ...альфой и омегой веры и знания. Она одна для меня поглотила и историю, и религию, и философию»...

«Действительность — вот лозунг и последнее слово современного мира!» — восклицает Белинский в своей «Речи о критике». И, конечно, это не «пошлая действительность» фихтеанства и не гегелевская «разумная действительность» — действительность Белинского покоится на идее социальности: «действительность возникает на почве, а почва всякой действительности — общество», — пишет он Боткину.

Отсюда именно и началась апостольская деятельность Белинского в литературе. «Отечественные записки» стали настольной книгой русской интеллигенции, Белинский приобрел огромное воспитательное

значение и стал предтечей современного научного миросозерцания. Начав с поисков абстрактной, потусторонней истины, он кончил почти позитивизмом, от чистой метафизики он перешел к чисто научному мировоззрению, от идеализма к материализму.

Тургенев назвал Белинского «центральной фигурой», вернее было бы назвать его Моисеем русской общественной мысли, который вывел ее из темных лабиринтов голой абстракции на торную дорогу реализма. В течение своей короткой жизни он прошел все тернии от бесплодной метафизики к научному миросозерцанию. Он поднял тот яркий светильник научного миросозерцания, который освещает путь нашему поколению. На могиле его, страстотерпца русской общественной мысли, и растет то дерево, под которым собираются жаждущие добра, красоты и справедливости. И память о нем будет жива еще многие и многие годы; и не одно еще поколение будет с жадностью припадать к «Мечтаниям» «великого искателя», ища ответа на мучающие социальные вопросы.

С. Миронов

«Терек» № 4032, 29 мая 1911 г.

ПРОСТОТА НРАВОВ ¹

Удивительная простота нравов наблюдается в нашей политической жизни! Разительные примеры этому дает на днях организовавшаяся новая Государственная дума. Выяснилось окончательно, что в четвертой Думе неизбежно господство черных, и притом черных весьма определенного тона, тона Пуришкевичей и Замысловских. Создается положение трагикомическое вполне. В самом деле, мы так привыкли думать, что Россия в потенции хранит неисчерпаемый источник культурных сил и богатств, и вдруг на спине ее взгромоздился такой «парламент», в котором большинство одарено одной добродетелью: прекрасно владеет «резиной». А ведь принято предполагать, что в парламенте собирается цвет всей страны, гордость ее.

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), стр. 3—5.

Глядя на наш четвертый парламент, очень легко уподобиться тому оттоману, который, посетив французскую палату депутатов, воскликнул:

— Благодарю Аллаха, избавившего мою родину от столь губительного испытания!..

Трагизм России заключается в том, что она в политическом отношении переросла анекдотического турка. Ей уже не к лицу славословить страны, в которых «слава богу, нет парламента».

И тем не менее ей приходится «гордиться» народным представительством, в котором паяцы вроде Пуришкевича играют роль посланников народа. Страна должна принимать законы из рук людей, достойных, быть может, какого угодно звания, но только не звания народных представителей.

Усиленные старания добиться во что бы то ни стало парламента совершенно послушного привели к тому, что и сами любители послушания, глядя на «молодых» депутатов, конфузятся.

Невольно возникает вопрос: что же делать с таким административным «отбором» граждан российских? Как работать с такой палатой депутатов, в которой большинство исповедует только одно ретроградство? Казалось бы, что на все эти вопросы тщетно искать ответа, вопросы неразрешимы. Оказывается, нет! Можно и такой парламент приспособить, и он прекрасно будет работать. Ведь можно же было вовремя остановить хлынувших в Думу пастырей.

В первую очередь решено обратить серьезное внимание на депутатов-чиновников. Предлагается депутатам, бывшим чиновникам и исповедующим «правую» религию, переменить политическое исповедание и перейти к националистам. Ввиду того что карьера бывшего депутата третьей Думы Гололобова, уехавшего из Таврического дворца на пост полтавского вице-губернатора, у всех еще в памяти, можно надеяться, что «чиновников» в четвертой Думе окажется гораздо больше, чем ожидают. Памятуя о своей дальнейшей карьере, многие депутаты охотно примут предложение пересест к Балашову и Крупенскому* в надежде,

* Балашов и Крупенский — одни из наиболее реакционных депутатов III и IV Государственных дум. — *Ред.*

что такое их послушание занесется в депутатский формуляр как знак отличия по службе.

Кроме внушения депутатам-чиновникам, проектируется, как сообщают газеты, сделать соответствующее предложение правым вообще. Предполагается выделить ретроградов и умерить реакционный пыл остальных. В результате всех этих мероприятий и предложений надеются из октябристов, националистов и правых создать нечто среднее, на которое и будет опираться совет министров.

Невероятного в этих случаях нет ничего. Всем давно известно, что наши политические деятели, сидящие направо, отличаются удивительной способностью перекрашивать себя в случае надобности. И делают они это чрезвычайно просто. Весь этот процесс занимает ровно столько времени, сколько его потребно для того, чтобы пересест с одного кресла на другое.

Такая простота политических нравов господствовала и в третьей Думе. «В зависимости от обстоятельств» там происходили очень существенные перегруппировки.

Это депутатское хамелеонство объясняется тем, что огромное большинство наших депутатов, в силу многих условий, имеют весьма отдаленное отношение к населению. Депутаты часто совершенно не связаны с пославшими их, и поэтому на всякое свое поведение они смотрят с точки зрения «как прикажете». Куда подует политический ветерок, в ту сторону и поворачивается большинство думских законодателей. Отсюда и делают свое заключение официальные газеты, что в четвертой Думе нет черной опасности.

С. Киров

«Терек» № 4455, 3 ноября 1912 г.

НА БЕРЕГАХ ТЕРЕКА (К событиям на Кавказе) ¹

За последнее время буржуазная и лубочная печать проявляет исключительное внимание к тому, что де-

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), стр. 37—42.

ляется на Кавказе вообще и на Северном Кавказе в особенности. Изю дня в день в газетах мы находим заметки, телеграммы «собственных корреспондентов» и интервью со «сведущими лицами» о событиях на северокавказском оазисе Советской власти.

Этот особенный интерес к Северному Кавказу вполне понятен. Буржуазные публицисты отлично понимают, что значит для Советской России такая житница, как Северный Кавказ, на гранях которого стоят германские полчища, вдохновляющие Краснова и Быча, и турецкие войска, так окрылившие «пламенного» «патриота» Чхенкели и компанию.

До последних дней Северный Кавказ твердо отстаивает Советскую власть и революцию, и, конечно, это причиняет писателям из буржуазных газет много огорчений, тем более что со стороны Быча и компании сделано все к тому, чтобы набросить мертвую петлю на шею Северного Кавказа. На днях мифическое войсковое правительство Кубани, члены которого долго бродили за бандами корниловцев, заключило весьма «решительный» союзный договор с Красновым в целях борьбы с большевиками и Советской властью на Северном Кавказе. Но, увы, договор подписан, а Северный Кавказ для договорившихся недосягаем.

И вот здесь выступает обычный прием буржуазных газет — клевета. В центре России почти нет сведений о положении на Северном Кавказе, и на сцену выступают «собственные корреспонденты», клеветнические сообщения которых немало буржуазных дам повергли в ужас.

«Собственные корреспонденты» сообщают:

— В Терской области снова началась война между казаками и туземцами.

— На Тереке вновь восстали горцы, которые режут и изгоняют всех «гяуров».

В помощь «собственным корреспондентам» буржуазных газет выступают «сведущие лица», которые в интервью с писателями (например, из газеты «Наше Слово»), рассказывая о бывшем начальнике северокавказских революционных войск Автономове, с апломбом заявляют:

«Автономов высказал поддержанную всей краевой

Советской властью, с Терским народным Советом во главе, мысль о необходимости прекращения гражданской войны на Донском и Кубанском фронтах.

Решено было, — продолжает измышлять «авторитетное» лицо, — обратиться к правительству Краснова, к генералу Деникину и к корниловским отрядам, оперирующим под Таганрогом, с призывом окончить распри и объединить все силы для отпора германо-турецкому нашествию на Кавказ».

Можно подумать, какие чудачки эти представители Советской власти на Тереке — они мечтают объединить свой фронт с бандами Краснова! А здесь думают, что Краснов — враг народа, и не знают, что советские власти на Северном Кавказе думают установить с красновцами альянс. По смыслу приведенного сообщения «Нашего Слова» большевики Северного Кавказа ничего не имеют против того, что Краснов расстреливает без суда и следствия не только всех большевиков, но даже лиц, в квартирах коих окажется укрывающийся большевик.

Планы авторов этих сообщений совершенно очевидны. Они хотят показать, что на Северном Кавказе растет анархия, что власть Советов там не видит иного исхода, как подать соглашательскую руку Краснову, Бычу и компании.

Лучшим разоблачением всей этой гнусной лжи и клеветы явилась бы исповедь правых эсеров и меньшевиков, работающих на Северном Кавказе. Они очень хорошо знают, что там представляет из себя Советская власть. На днях в Терской области состоялся Народный съезд, посвященный главным образом текущему политическому моменту. Съезд с негодованием заклеил всю гнусность политики закавказских «социалистов» и решил твердо защищать революцию на Тереке, призывая всех объединиться вокруг областного советского органа. Тогда правые эсеры и меньшевики, с болью в сердце переносившие Советскую власть, решили не входить ни в какие ответственные органы, а те из меньшевиков, которые не исполнили этого постановления, были исключены из партии.

Таким образом, на Тереке Советская власть не только не претерпевает колебаний, а, наоборот, она

находит с каждым днем все более и более широкое признание среди многоплеменного населения Терского края.

Правда, на Терскую область, как и вообще на Северный Кавказ, производится совершенно определенный натиск и с востока, и с юга, но до сего времени это вызывало только новый приток революционных сил и полное дискредитирование всех партий, зовущих через Учредительное собрание к режиму Краснова, Скоропадского и Чхенкели. И если украинское крестьянство ведет вооруженную борьбу с насильниками, если на Дону растет оппозиция против Краснова и в Грузии поднялось против Чхенкели все крестьянство, то и трудовое население Терской области, несмотря на свою отсталость в культурном и политическом отношении, все яснее и определеннее сознает, где его друзья и где враги.

В этом отношении особенного внимания заслуживает туземное население, о котором уличная печать знает ровно столько, сколько в памяти ее писателей осталось от колыбельного возраста, когда простодушные няни напевали им: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». Поэтому им совершенно неизвестно и непонятно, что в Терской области и даже в Дагестане — центре горского населения — идет усиленная работа по организации народных масс и утверждению на горской территории советских органов власти. И нужно сказать, что работа эта идет весьма успешно, несмотря на то, что отовсюду эта работа встречает много противодействий, вплоть до турецких агентов, рассеянных по Северному Кавказу.

Туземное население в большинстве своем прекрасно поняло, что только объединение трудовых масс может утвердить завоевания революции, и поэтому князья, шейхи (святые) и беки находят себе все меньше и меньше работы. Часть из них бежит в Турцию, часть просто скрывается.

Необходимо отметить также, что лозунги социализма встречают в некоторых горских племенах весьма благоприятную почву. Дело в том, что, например, чеченцы и ингуши во всей своей истории совершенно не знали, что такое сословия, и только в самые послед-

ние десятилетия они познакомились со своей буржуазией. Поэтому идея равенства среди них прививается очень легко.

С другой стороны, и там, где современность успела провести глубокие социальные борозды, идея рабоче-крестьянской революции пускает все более и более глубокие корни. В этом отношении особенно характерно положение в Осетии.

Осетины давно знают, что такое капитализм, не только отечественный, но и заокеанский. Многие и многие из них годами жила в Америке, Канаде и там подлинно испытали капиталистическую эксплуатацию. Глубокая дифференциация в деревне Осетии широко содействует классовой борьбе и усвоению деревенской беднотой лозунгов революции. Оба эти главных условия привели к тому, что почти в начале революции в Осетии возникла политическая партия «Кермен», названием которой послужило имя легендарного осетинского героя, всю жизнь боровшегося со своими помещиками. Программа этой партии в общем ни в чем не расходится с программой большевиков. Влияние партии «Кермен» огромно. Едва ли можно найти селение, где бы не было членов ее. В последнее время партия «Кермен» решительно выступила на борьбу с помещиками и кулаками, которые прогонялись керменистами со своих земель вооруженной силой.

Интересно отметить уровень дисциплины этой партии. В конце апреля сего года между осетинами и казачками, руководимыми контрреволюционными элементами, и ингушами разыгралось вооруженное столкновение, грозившее вылиться в форму настоящей войны. Партия «Кермен» повела усиленную агитацию против этого, и Центральный комитет ее издал приказ, в силу которого никто из членов партии не должен был принимать участия в этом столкновении; и приказ был выполнен.

Само собой понятно, что дело организации населения вокруг революционных органов местами претерпевает заметные шероховатости, но в общем с момента утверждения Советской власти на Тереке почти прекратились анархические выступления темных туземных масс, которые еще так недавно, во время прави-

тельства, помещиков, князей и офицерства, творили страшный террор.

Значительную эволюцию пережило и терское казачество. Всем известны отношения, существовавшие между казаками и горцами. Февральская революция голько на очень короткое время сгладила традиционную вражду, воспитанную агентами самодержавия, а затем антагонизм стал быстро развиваться, и дело дошло до того, что в феврале сего года Терский край оказался накануне страшной войны между казаками и горцами. Но как раз именно в этот момент родилась новая власть в крае, провозгласившая лозунги Октябрьской революции. Это сразу вырвало почву из-под ног контрреволюционных элементов, и трудовое казачество живо откликнулось на призыв к объединению вокруг Советов.

В настоящее время в богатых станицах еще заметна оппозиция Советской власти, но малоимущее казачество идет за ней и не может, конечно, не идти.

К сожалению, место не позволяет остановиться подробнее на ходе революции на Тереке, но и приведенных фактов достаточно, чтобы развеять ту ложь и клевету, которыми враги революции стараются окружить Советский Кавказ и Терскую область особенно.

В настоящее время на Тереке идет усиленная мобилизация сил для отпора планам закавказских контрреволюционеров, возглавляемых прославленными грузинскими меньшевиками. Они думают, очевидно, повести кампанию не только против Баку, но и непосредственно против Северного Кавказа, по Военно-Грузинской дороге, в надежде на то, что путем вмешательства турецких войск им удастся привлечь на свою сторону мусульманские массы Северного Кавказа и Дагестана. Но они, видимо, не знают, что в горских аулах уже посеяна мысль о том, что угнетение одинаково тягостно для населения, откуда бы это угнетение ни исходило: от русской власти, германской или турецкой. И на последнем Народном съезде Терской области представитель чеченцев и ингушей прекрасно выразил эту мысль. Он сказал:

— Что такое русское самодержавие, мы знаем. Знаем и «просвещенную» германскую власть на Украине.

А о гнете турецкого режима мы немало слышали от наших многочисленных эмигрантов в Турцию. Только рабоче-крестьянская власть, — говорит представитель горцев, — может найти поддержку в горах, которые в скором времени все придут к этому сознанию.

Кавказ дал много неожиданного. Кавказ страдает в тисках измены революции. Но Кавказ еще не сказал своего последнего слова, хотя оно на устах у всей демократии. И близок тот час, когда грузин Чхенкели в Берлине и чеченец-нефтепромышленник Чермоев в Константинополе будут говорить только от своего имени. Население уже поняло, что не на штыках немцев и турок свобода, равенство и братство, порядок Кавказа, а в его собственных руках, поднимающих знамя Советской России.

«Правда» № 133, 2 июля 1918 г.

ПЕРВОЕ МАЯ И КОЛЧАК¹

Под нависшей серьезной угрозой, направленной против России, празднуем мы ныне Первое Мая, но тем торжественнее должен быть этот день.

И это не только потому, что чувство скорби несвойственно нам, давно привыкшим смотреть в бездну суровых испытаний, — день Первого Мая для нас был и есть день итогов побед рабочего класса.

Сегодня мы — ратники великой схватки труда и капитала — ясно чувствуем, что на земле нет места, где не было бы слышно призывных песен рабочего класса. Сегодня весь обездоленный мир смотрит к солнцу, сегодня рабы капитала становятся королями вселенной и делают новый верный переход к победе.

Призывные звуки — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — несутся сегодня по всему земному шару и как торжественный благовест возвещают близость этой победы. Тот, кто сомневался в этом вчера, сегодня видит, что он был слеп. Многие, многие миллионы людей, на спинах которых держится земля, ре-

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), стр. 49—50.

шительно и твердо заявляют свои права на собственность всего, что под луной.

И это слышат не только торжествующие близость своей победы, но и те, чей удел быть сброшенными в пропасть истории человечества.

В этом смысл и значение всемирного праздника труда, отсюда траур капитала. Рабочих России день Первое Мая застал в момент жестокой схватки с наймитом мирового капитала — Колчаком, взявшим на себя тяжелую повинность быть последним среди побежденных.

Правда, в его руках меч, изготовленный в лучших мастерских империализма, червонцы в его «полевом казначействе» неисчислимы, но сегодня Колчак должен будет заметить, что красные знамена реют не только над рядами противника его полчищ, но и в тылу у него. И в тот момент, когда наймиты бывшего царского адмирала будут снова и снова командовать своими купленными полками, — впереди, позади их, в суровой Сибири, над теньями лучших борцов за рабочее дело, и там, в Японии, червонцы которой звенят в карманах адмиральского мундира Колчака, раздается все тот же призывный клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Это будет последним предостережением зарвавшегося адмиралу.

А мы здесь, перед лицом последнего испытания, соберем наши свежие полки, вдохновленные солидарностью рабочих всего мира, и в празднике труда они почерпнут новые силы и бодрость и пойдут к победе, которая не только неизбежна, но и близка.

С. Киров

«Красный воин» (Астрахань) № 95 (199),
1 мая 1919 г.

ПАМЯТИ ДОРОГИХ ТОВАРИЩЕЙ КЕРМЕНИСТОВ¹

Пролетарская революция не прошла бесследно для горцев. Она была воспринята не только массой ин-

¹ «Пролетарская революция», 1940, № 2.

стинктивно, но прочувствована и продумана основательно лучшей частью горской интеллигенции, убежденной в том, что спасение существования и человеческого достоинства горцев возможно только при торжестве этой революции.

И за нее шли на верную смерть и умирали не только десятки, но сотни и тысячи горской бедноты и молодежи на полях Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни и Дагестана, за нее принесли себя в жертву в Дагестане — Дахадаевы и Буйнакские, в Осетии — вожди керменистов: Николай Кесаев, Темболат Гибизов, Андрей Гостиев, Георгий Цаголов, а также Николай Дзедзиев, Черман Баев, Умар Кубатиев и др.

Керменизм в Осетии имеет свою историю.

Кермен по-дигорски и Чермен по-иронски — это имя славного народного героя, поднявшего оружие против феодального рабства и отвоевавшего себе равное право в семье отца, где он считался сыном от второй жены, следовательно, рабом. Предание и народная песнь в честь героя сохранили о нем самое задушевное воспоминание в народном воображении, и Кермен оставался и остается самым любимым и высокочтимым героем осетинского народа.

Имя Кермен для осетинского народа говорит о целой эпохе борьбы оскорбленных и униженных с угнетателями, и этим именем называли партию основатели революционно-демократической осетинской партии «Кермен» Темболат Гибизов и Николай Кесаев; партия потом объявила себя коммунистической.

Много энергии и сил приложили Кесаев и Гибизов, чтобы партия сделалась достойной выразительницей чаяний осетинской и всей горской бедноты. Оба — из селения Христиановского, студенты — чистые, честные и самоотверженные. Оба умерли от руки черных убийц, народных палачей.

Те, кто чувствовал опасность для себя в этом новом движении — истинно-народном, пролетарском — начали борьбу против «Кермен» с самого появления партии на политической арене. В атмосфере Капланово-Бутаево-Карауловского сепаратизма Терско-Дагестанского правительства в ноябре 1917 г. партия «Кермен» впервые с Кавказа приветствовала Октябрь-

скую революцию, провозгласив, что «осетинские трудовые массы живут чаяниями пролетарской революции» *.

С тех пор керменисты сделались в Осетии и Владикавказе козлом отпущения. На них сыпались стрелы отовсюду. Их поносили все. Их называли чуть ли не разбойниками, над ними смеялись, как над «марионетками» большевиков и т. д.

Но ничто не могло поколебать убежденную самоотверженность первых вождей керменистов — Кесаева и Гибизова.

Гибизов на собраниях и съездах появлялся редко; он был мозгом партии, он работал внутри нее, направлял ее тактику и определял задачи, когда он еще был один, когда не были еще в партии Андрей Гостинов и Георгий Цаголов.

Товарищ Кесаев — активный работник во всех советах и на съездах. Помню его в серой черкеске на IV съезде осетинского народа, куда он явился как представитель партии и где спекулянтско-демократический блок не дал ему права голоса. Это в то время, когда партия уже насчитывала до 300 членов и организовывала свои боевые отряды.

Вечно жизнерадостный, он не унывал. Он только смеялся над тупостью тогдашних вершителей судеб Осетии.

Помню его также на Моздокском областном съезде, где стратегический казачий «большевизм» во что бы то ни стало хотел уничтожить «контрреволюционеров» — ингушей и чеченцев — и где он, как и все истинные товарищи, вместе с осетинской, кабардинской и иногородней фракциями, спасал Терскую область от межнациональной войны.

Он был тогда избран членом первого Народного

* Здесь С. М. Киров имеет в виду факт посланки Центральным комитетом «Кермен» телеграммы В. И. Ленину и обстановку, которая создавалась в связи с этим вокруг «Кермен». В телеграмме говорилось, что осетинская революционно-демократическая партия «Кермен» приветствует Советское правительство, что сыны трудовой Осетии жаждут осуществления лозунгов Октябрьской революции. — *Ред.*

Совета Терской республики и комиссаром продовольствия.

Во время 2-го Пятигорского съезда его усилиями, вместе с покойным комиссаром Нальчикского округа Сахаровым, удалось в атмосфере взаимной межнациональной подозрительности и ненависти созвать полный съезд с участием ингушей и чеченцев.

Он любил жизнь. Он хотел жить для борьбы, для работы во имя счастья народов и всегда боялся смерти. И, когда в августовские дни 1918 г. во Владикавказе банда осетинских офицеров поймала его вместе с тов. Цалиевым, он просил, умолял не убивать его.

— Посмотрим, как ты будешь умирать, — ответили ему прапорщики.

И медленно пристреливали обоих, а потом размозжили голову Николаю, курчавую черную голову, где рождались лучшие мысли и планы возрождения обездоленной и темной горской бедноты.

Судьба другого основателя партии «Кермен» была еще более трагичной.

Вдохновенный и влюбленный в свою идею, он был центром партии, идейным вождем ее. Для керменистов его мнение всегда было решающим. Его любили как вождя и как друга и товарища самого безупречного поведения и глубокой искренности. Он был самый устойчивый, прямолинейный и неутомимый культурный работник.

В родном селе Христиановском к нему относились почти с благоговением. Старики приходили к нему, молодому человеку 26 лет, и просили совета.

Таков был и Андрей Гости́ев, окончивший Киевский коммерческий институт, старый социалист, человек кристальной чистоты и честности. Больной туберкулезом, он задыхался скорее от того, что не мог деятельно все отдать на служение народу, чем от своей болезни.

Помню одну картину... После доклада о случившемся недоразумении в Алагире из-за оплошности товарища, вызвавшей целую войну, он не выдержал и, задышавшись, воскликнул:

— Почему мы все не повешены до сих пор!

Помню другую.

На 5-м областном съезде Терской области, когда после объявления особой фракции горцев-коммунистов особенно ярко выступали Ахмет Цаликов и Саид Габиев с критикой этой новой фракции, Андрей Гостиев не выдержал, опять выступил и, разоблачив их мелкобуржуазную природу, поставил их в недоумение.

— В чем же дело, коли вы так щетинитесь?

Это выступление вызвало кровохарканье в течение двух дней... Думали, что он не выживет...

Помню еще.

Керменисты хоронили адъютанта своего штаба тов. Казбекова, видного члена партии. На вокзале, несмотря на уговоры товарищей, он не выдержал вновь... и сказал краткую и вразумительную речь.

— Это не первая жертва... Вновь кровь хлынула из горла.

Одной ногой он был в могиле, но все-таки рвался к борьбе, жил этой борьбой, борьбой за обездоленных, за бедноту. И не отдал жизнь черной чахотке. Нет! Он отдал жизнь за эту бедноту, он умер за идею...

Он умер не от кровохарканья, не убит деникинским палачом... он погиб в Хевсуретии, в «демократической» республике, в числе девяти вместе с Темболатом Гибизовым и Николаем Дзедзиевым. Суровое изгнание бросило их в Ингушетию, и эта «дикая», но рыцарская страна встретила их, как братьев, и приютила. Судьба бросила их в зимнюю стужу больными и голодными, через перевал в Хевсуретию. Казалось, вот уже спасены в этой «обетованной» стране, но преступная агитация священника Циклаури и К⁰ и других черносотенных шовинистов, мечтающих о царе Иракле X или XIII, сделала свое дело. Их было девять — безоружных, босых и голодных скитальцев, искавших убежище. Их хотели ограбить, обобрать оставшееся. Они защищались, но шайка оказалась сильнее.

Их изрубили и бросили в какой-то ров...

Можно пройти мимо, если они большевики, но разве не следует грузинским меньшевикам в их образе видеть хоть человека?

За что такая бесславная смерть? Почему они не

погибли от руки собирателей царской России, а погибли в стране демократических порядков?

Георгий Цаголов погиб в родном селе, окруженный черной стаей в дни разгрома Христиановского. Пламенный оратор, неутомимый проповедник социализма и коммунизма, студент Московского университета (ему было 23 года) принес себя в жертву за социальное равенство, за право бедноты, за ее диктатуру.

Вместе с Гибизовым он переносил всю тяжесть работы в партии по идейному и организационному руководству. Он вдохновлял партию духом решимости. Если Гибизов был прямолинейный человек и голова партии, если Гостиев был ее душой, гибким политиком, всегда дававшим партии верный диагноз политического момента и верную тактику, то Цаголов был деятельным агентом партии, вдохновлял товарищей на героический подвиг и на неутомимую деятельность.

Эти три товарища унесли как будто всю партию. Это мозг, душа и руки партии. Но они ее не унесли... Они оставили еще живым товарищам свой пример, свою неутомимую работу. Они оставили себя в партии, она дышит их духом, она создана ими и будет идти по намеченному ими пути.

Помимо них горская пролетарская интеллигенция потеряла таких культурных и идейных работников, как Николай Дзедзиев и Умар Кубатиев. Дзедзиев — бывший меньшевик, очнувшийся после наблюдения над Моздокским казачьим правительством и перешедший к коммунистам. Он не пожелал прикрывать собой контрреволюцию и расстрелы рабочих.

И в тот момент, когда он с новой энергией должен был начать борьбу и организационное строительство, он погиб...

Умар Кубатиев пал не от руки убийц. Его скосил тиф в Тифлисе. Член комиссии ВЦИК по укреплению Советской власти среди горцев, он по приезде вместе с ЦК партии развернул широкую культурную работу. Но планы не исполнены. Все разрушено казацкой нагайкой. А черный тиф уносит остатки борцов...

Нельзя пройти мимо героической фигуры Чермена Баева, того Баева, который, не будучи коммунистом, умер за Советскую власть.

«Плехановец»-меньшевик Баев, вопреки меньшевистским и эсеровским завываниям, понял, что вне Советской власти нет спасения революции, нет спасения горцам. Член исполнительного комитета Осетинского (Владикавказского) округа, он боролся весьма энергично с разбойничьими шайками, и в особенности против сел. Ногкау, родины Ахмета и Угалука Цаликовых.

Шайки, угнавшие 8 тысяч баранты, не желавшие подчиниться требованиям Чермена, ушли в лес, сорганизовались — во главе их стал полк. Угалук Цаликов — и повели наступление на Алагир... против Советской власти. Когда был схвачен Чермен Баев в Ардоне, эта шайка прислала требование немедленно расстрелять его. Его расстреляли казаки в Гизеле. Предварительно его раздели и босиком по снегу в одной рубашке вели из Ардона в Гизель. Труп его подожгли... Разбойники ликовали и провожали его труп издевательствами...

Такова участь старого революционера. Еще гимназистом в 1905 году за свои громовые речи был арестован своим же братом Гаппо Баевым, тогда уже городским головой Владикавказа... Сидел в тюрьмах. Был в ссылке за границей три года... Вернулся в начале войны. Поступил в Петроградский университет... Война его взяла на фронт, где захватила его революция. На одном большом митинге армии в Могилеве он однажды произнес речь. За эту речь генерал Алексеев поцеловал его... Он любил рассказывать об этой своей «связи» с контрреволюцией. Высоко даровитый, начитанный Чермен слишком скоро ушел, не успев сделать того, к чему рвался почти с детства.

Какая ирония. Его родные братья через его труп сделались опять: Гаппо — городским головой гор. Владикавказа, Измаил — советником правителя Осетии, Дзандар — полковником штаба правителя Осетии...

Так разложилась Осетия на два полюса миропонимания. И так красиво осуществлен в Осетии единый революционный фронт. Все, кто не от революции и не за нее, отошли к Деникину, вновь пресмыкаются, как привыкли... Все, кто от революции и за нее, — все сошлись, все бились и бьются.

Рядом с непримиримым керменистом Цаголовым лежит «пыхановец»-соглашатель Чермен Баев, павшие за одну идею, за власть горской бедноты — за Советскую власть.

История не пройдет мимо этой плеяды героев-борцов. А трудовая Осетия, за счастье которой они погибли, отдаст им должное, когда воспрянет от гнета разбойников и палачей...

Они убиты... Но идея жива... Живы те, кто на свежей их могиле поклялись молоком матери и честью отца отомстить за их смерть палачам палачей, победить или также в борьбе — умереть...

Прощайте, товарищи, вы с честью прошли свой доблестный путь благородный!..

Арцу Тохов

«Молот» № 25, 7 августа 1919 г.

ДЕНИКИН НА КАВКАЗЕ¹

Всем достаточно хорошо известны приемы генерала Деникина, коими он и его агенты восстанавливают «единую Россию». Харьков, Екатеринослав, Царицын и многие другие пункты, где деникинцы успели показать себя, — все это яркие иллюстрации борьбы за уничтожение рабочих. О жестокостях, творимых деникинскими бандитами над рабочими, писалось так много, что едва ли есть необходимость что-либо добавлять. Каждый рабочий, крестьянин и красноармеец, соприкасающийся с деникинскими полчищами, хорошо знает приемы этих варваров. Но то, что творит Деникин в занятых им областях Кавказа, едва ли знают широкие слои населения. А там творится действительно нечто неопишное, и можно без всякого преувеличения сказать, что по всем областям Кавказа, «покоренным» Деникиным, непрерывно разносится стон и плач десятков и сотен тысяч людей, лишенных в буквальном смысле слова всего, загнанных в глубокие горные ущелья, умирающих там от жестокой голодной смерти.

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), стр. 71—75.

Как только советские войска оставили пределы Северного Кавказа, деникинские полчища обрушились на горские племена, часть которых оказала открытое гостеприимство нескольким тысячам красноармейцев, отступившим в горы.

Жестокая борьба началась между горцами и добровольческими бандами. Вначале эта борьба велась с переменным успехом, но мало-помалу горцы истощили совершенно свои скудные боевые запасы, а добровольцы фактически имели перед собой уже почти невооруженного врага. Здесь-то и началась вакханалия. Горские аулы, особенно ингушские и чеченские, сносились добровольцами с лица земли; скот и все добро грабилось, сакли разрушались и сжигались; население, не успевшее бежать, вырезалось. Эта расправа продолжается и по сей день, и уже не только в Терской области, но и в Дагестане.

Казачьи погромы ведутся под предлогом поисков большевиков.

Вот один из многочисленных примеров расправы над горцами. Деникинские отряды были направлены в Осетию в поисках «корменистов» (партия большевиков в Осетии). Наибольшим влиянием корменисты пользовались в селении Христиановском (Терской области). Естественно, что гнев деникинских бандитов обрушился главным образом на это селение. Деникинцы окружили селение Христиановское и предъявили требование в трехчасовой срок выдать 1 миллион пудов хлеба, 500 лошадей с седлами, 500 бурок, 5 тысяч винтовок и 2 миллиона патронов. Кроме того, жители от 20 до 30 лет должны немедленно мобилизоваться, а главное — выдать 400 корменистов.

Генерал Вадбольский, руководивший бандитами, заявил, что если указанные требования не будут выполнены, то он имеет приказ от генерала Деникина «снести село Христиановское и не оставить камня на камне».

В это время оставшиеся в селе корменисты в количестве до 200 человек прорвали цепь в конном строю и усаkali кто в горы, кто в соседний Ардонский лес. В ответ селение было обстреляно с двух сторон из орудий; было выпущено до 50 снарядов.

Потом добровольцы дали приказ: «Все, кто не против нас, — выходи из селения».

Жители были выведены все до единого, от стариков до грудных детей, в количестве около 12 тысяч. Их всех расставили по шеренгам в поле между Ардоном и Христиановским, и вот тут-то началась грабительская вакханалия деникинцев. Они обирали всех; под видом обыска залезали в карманы и за пазухи, брали деньги, ценности, золото, кинжалы, пояса в серебряной оправе — весь тот незначительный багаж, который несчастные матери, сестры и отцы захватили с собой второпях; брали шапки, шубы, куски материи, скот. Казаки садились на глазах у владельца единственной лошади на эту лошадь и уезжали.

Несчастных жертв продержали ровно двое суток в открытом поле под дождем, больных, голодных и раздетых. Кругом плач, стон, смерть...

Наконец стоны через два дня «тронули» генерала Вадбольского, и он разрешил христиановцам ехать или идти в Ардон и другие селения.

Христиановское же было разделено по речке, протекающей по середине, на восточную и западную части. Восточную часть Вадбольский отдал на разграбление казачье-осетинским бандам, а западную — кабардинцам.

Христиановское — самое крупное селение в Осетии и даже по всей области. Энергичные и трудолюбивые христиановцы благодаря своему неустанному труду сделали его самым богатым и промышленным селением в Осетии.

Не имея земли, арендуя ее ежегодно у казаков, христиановцы имели всегда большие запасы хлеба.

Все это имущество подверглось теперь разграблению и разгрому. Тысячи голов домашнего скота, лошадей, тысячи арб и бричек, сельскохозяйственный инвентарь, мебель, постели, белье, кухонные принадлежности — все расхищено, все увезено. Тысячи арб и бричек, мобилизованных из окрестных сел и станиц, обязаны были вывозить в течение двадцати дней хлеб и имущество с двух тысяч дворов-усадеб.

Пшеницы и кукурузы было вывезено миллионы пудов.

Черные стаи добровольческой армии Деникина выворачивали дома наизнанку, выколачивали стены, снимали полы и т. д.

Были пойманы шесть керменистов, которых повесили «в назидание живым». Нашли председателя ЦК партии «Кермен» Георгия Цаголова, который был весь исколот штыками: у него было 18 штыковых ран. Помимо этого он был так разбит, что с трудом можно было в трупе узнать человека. Так трагически погиб молодой борец за идеалы горской бедноты от руки черных убийц.

Одного кермениста — Борова — вешали в Ардоне пять раз в течение двух часов, потом был приказ не снимать трупа, а на спине его был большой аншлаг с надписью: «Я — керменист».

Но всего этого им было мало.

В Ардоне был созван полковниками сход села Христиановского. И вот тут началась пытка. Всех поодиночке вызывали в особый кабинет и тут выпытывали:

— Скажи, кто в селе у вас керменист...

Если отпирается, ему грозят виселицей, которая, кстати, видна из окна...

Так добивались признания под страхом расстрела, разгрома и сожжения остатков домов; были выданы имена и фамилии 300 керменистов, членов партии и лучших работников.

Дома и уцелевшее имущество керменистов были конфискованы. На домах и на воротах, не подвергшихся еще сожжению и разгрому, были начертаны черные кресты и буквы «К» (керменист). С каждого «некерменистского» дома один человек должен был по приказу идти на разбор этих 300 домов. Частью дома были разобраны, частью сожжены. Наконец, выдумали другой способ, более выгодный для карманов. Было объявлено приказом, что дома керменистов будут продаваться с торгов, причем преимущественное право купить дом имеет семья самого кермениста, т. е. заставляли выкупать свои дома, чтобы тем самым выудить последние гроши от несчастных жертв; далее право имеют родственники, затем односельчане и, наконец, посторонние.

Кроме этого, было объявлено по всем селениям всей Осетии, что, если будет где-либо обнаружен керменист, дом, в котором его найдут, будет разрушен, имущество конфисковано, а селение должно будет уплатить по 10 тысяч рублей. Вот «законы», которые пишут лакеи Ляхова, разные Хабаевы, Гутиевы и Икаевы.

Разгромив Христиановское, добровольцы главное внимание сосредоточили на горной Дигории, куда ушли керменисты и прочие не подчинявшиеся добровольцам элементы. Горнодигорцы мобилизовались и решили вместе с керменистами защищать ущелье до последней возможности.

Они минировали вход в ущелье, отрядили специальные камнеметные команды, которые, за отсутствием вооружения и патронов, оказывали громадную услугу в борьбе.

Вместе с двумя ротами солдат, которые сдались им с четырьмя пулеметами, керменисты надеялись продержаться до прихода подкрепления. Но единственный тыл, который они имели, — Грузия, конечно, должна была от оказания помощи этим героям, которые жизнь, имущество, родных принесли в жертву интересам бедноты, отказаться.

Между тем добровольческие палачи готовились к последнему штурму красной Дигории. Был задуман план окружения и наступления по всем перевалам в Дигорском ущелье.

План этот деникинцам удалось скоро привести в исполнение. Отчаянно сопротивлялись дигорцы, но, наконец, иссякли их последние силы, и озверелые деникинцы, к которым примкнули горские кулаки, офицерство и пр., продолжали то, что было ими начато в селе Христиановском.

Хватали каждого, на кого падало хотя бы какое-нибудь подозрение в сочувствии керменистам, и ставили в очередь к виселицам, которые воздвигали по всем селениям и аулам.

Так пал последний оплот Советской власти в Осетии. Дигория разорена, разбита, унижена, стерта почти с лица земли. Бедноту, которая еле-еле сводила концы с концами, в тяжелом и непосильном труде до-

бывая кусок кукурузного чурека, раздели, разбили разбойничьи шайки золотопогонных хулиганов.

Забудет ли горская беднота все это?

Нет, никогда! Горцы глубоко затаили свой гнев против своих насильников, и первые же звуки марша Красной Армии, которые услышат скрывшиеся в ущельях горцы, разбудят их гнев...

С. Киров

«Правда» № 199, 9 сентября 1919 г.

ТРИ ГОДА ¹

Когда в 1914 году разразилась империалистическая война, мало кто брал на себя смелость утверждать, что столкновение двух коалиций, оспаривавших друг у друга гегемонию над миром, должно быть настолько длительным, что результат вооруженного соперничества теряется где-то в будущем, отодвинутом от нас годами. И еще меньше было смельчаков, которые сумели дать развернувшимся тогда событиям должную оценку и определенно указать, что в огне, извергаемом неслыханными чудовищами милитаризма, запылают не только города и села, будут уничтожены не одни миллионы человеческих жизней, — но что здесь откроется похоронная процессия капитала. Правда, из-за всеобщего шовинистического воя трудно было различить отдельные голоса, говорившие об этом, тем более, что и в рядах рабочего класса подавляющее большинство по команде империалистов добросовестно отбивало солдатский марш.

Невероятно дорого заплатил за это пролетариат. Нужны были три года ожесточенного кровопролития, прежде чем за кровавым туманом стали ярко обозначаться спасительные огоньки. Все покрывавший лозунг «Война до победного конца» мало-помалу стал меркнуть, и для пролетариев всех стран постепенно вырисовывался революционный лозунг: «Долой войну!».

Особенно заманчивым этот последний лозунг был

¹ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. I, стр 185—190.

для рабочих и крестьян России, для которых империалистический смысл войны был очень мало доступен. О войне за Константинополь и проливы лучше было не говорить, ибо и российская буржуазия плохо умела уложить это в своих классовых мозгах. Но еще менее понятной стала война, когда, по мелкобуржуазному мнению, «народ взял власть в свои руки», когда у власти встали буржуазия и социал-соглашательские элементы. И не нужно было долго ждать, для этого достаточно было восьми месяцев, как рабочие и крестьяне решили по-настоящему и действительно собственными силами вершить свою судьбу. Под лозунгом «За мир, свободу, за хлеб и землю», под знаменем «Вся власть Советам» передовые кадры пролетариата России, рабочие Петербурга, а затем и Москвы, при поддержке воинских частей в конце октября 1917 года взяли государственную власть в свои руки.

Этот решительный натиск привел в смятение не только буржуазию и помещиков, чиновников и бюрократов, — он ошеломил социал-соглашателей, интеллигенцию и всех тех, кому недоступна была подлинная книга освобождения угнетенных. И это безусловно сыграло известную, выгодную для революции трудящихся роль. Решительный натиск революции, ее прямолинейность и стремительность при жалкой растерянности буржуазии в первый момент сделали то, что через каких-нибудь два-три дня столица России была целиком в руках революционных рабочих, что скоро решило судьбу и Москвы, и всего пролетарского Московского района.

Социальная революция бросила свой жребий.

Еще дымились пожарища мировой войны. Ослепление западноевропейского пролетариата лозунгом «Защита отечества» продолжалось. Предательство социал-соглашателей всех степеней и коалиция их с буржуазией не ослабевали, казалось беспросветным будущее и безумным актом рисовался взрыв октябрьской бомбы. Тем с большей настойчивостью и энергией российский пролетариат, а затем и часть крестьянства брались за дело социалистической революции. Изолированная со всех сторон, в стране, разоренной до основания, не вышедшей еще из состояния войны,

революция в России переживала страшные затруднения, и нужны были колоссальные усилия рабочих и крестьян для того, чтобы революция стала признанным фактом не только в России, но и в Европе и в Америке.

Двумя основными путями развернула наша революция свое могущество. Внутри страны она решительно порвала со всеми остатками буржуазно-помещичьей России, и через рабоче-крестьянские Советы мы укрепляли свои позиции. Внешнему капиталистическому миру революция не была в состоянии бросить такой решительный вызов. Здесь нам пришлось развернуть иную революционную стратегию. Для нас было ясно, что для внешнего мира мы были слишком слабы. Мы представляли оазис, лишенный прочной вооруженной защиты, в то время как Европа, Америка и Япония отдали все для военного дела. Мы знали, что разложение обеих борющихся империалистических коалиций неизбежно, что пролетариат Европы учтет результаты мировой бойни, но на это нужно время. Это время необходимо было и нам, для того чтобы выковать революционную волю рабочих и крестьян. Отсюда наша решительная тактика внутри страны и стратегия уступок в Бресте.

Не всем понятная вначале, эта стратегия стала яснее через несколько месяцев после Бреста, когда революционная бушующая многомиллионная Россия, разметавшая буржуазно-царские установления, неуклонно идущая к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства, стала страной, положившей основы своей армии. Именно здесь было положено начало социалистической России, а гражданская война внутри нее приняла уже очевидно для всех характер определенной классовой борьбы.

Дальнейшие этапы наглядно показали, насколько правильны были наши пути и как беспомощны оказались внутренние контрреволюционные силы, призывавшие на помощь иностранный капитал.

Европейская и японская буржуазия очень охотно шла навстречу желаниям Колчака, учредилковцев, меньшевиков и эсеров, Краснова, Деникина, Милюкова и Савинкова, равно как Юденича и Гучкова, но все

это в весьма высокой степени содействовало успеху наших задач на Западе, а затем и на Востоке. С моментом открытого вмешательства Европы «во внутренние дела России» совпала ликвидация европейской войны, везде и всюду выступала ничем не прикрытая империалистическая жадность, положение рабочих в Европе ухудшалось с каждым днем, классовые противоречия обострились неудержимо, а в России гудели удары социалистического молота, выбивавшие на весь мир: «Вся власть Советам».

Вскоре оказалось, что вмешательство, кроме разложения собственных армий, мало что дает империалистам. Начался следующий этап удушения России — блокады ее. Советская Россия была объявлена вне закона империалистов, решивших голодом заставить капитулировать рабочих и крестьян. Россия оказалась изолированной от Европы, но рабочие Европы не были забронированы от советско-большевистских влияний России, а европейская промышленность оказалась отрезанной от источников сырья, тем более что во всех восточных колониях, питающих европейский капитал, разразилась волна революционных войн за независимость, против грабительской опеки империалистов. Таким образом отсталая в экономическом отношении Россия неожиданно для большинства западноевропейских теоретиков социализма приобрела значение страны, в известном смысле способной диктовать условия западноевропейскому капиталу. Именно поэтому борьба с рабоче-крестьянской Россией приняла для Европы такой болезненный характер, и каждый удар по России неизбежно вызывал ответный удар непосредственно по европейскому империализму.

С другой стороны, Россия с ее огромными внутренними живыми и мертвыми ресурсами оказалась способной выдерживать блокаду со стороны всех империалистических держав, и каждым лишним днем своей борьбы рабочие и крестьяне сумели завоевывать все новые и новые симпатии угнетенных Старого и Нового Света.

В этой борьбе социалистическая Россия провела три года — срок достаточный не только для того, чтобы выйти победительницей, но и создать смертельную

трещину в незыблемых, казалось, твердых мирового империализма. Окончательное выявление этой трещины застает нас в третью годовщину Великой революции.

После того как мы сумели разметать наших противников на всех фронтах, когда Польша потеряла возможность выполнить волю натравивших ее на Советскую Россию и вынуждена была подписать мир с нами, в пределах России остался последний наемник французских ростовщиков — крымский барон. Идущая к третьей годовщине революции Красная Армия крепко прижала барона Врангеля к берегам Крыма, и на этот раз Крым будет советским.

Это событие несомненно послужит новым толчком для приближения гражданской войны в Европе, ибо каждый удар нашей Красной Армии неизбежно приводил к росту коммунистического движения на Западе, к высвобождению пролетариев Европы из-под влияния социал-соглашателей. Разгром Врангеля должен явиться лучшим аргументом в пользу необходимости борьбы за Советы после всех многочисленных усилий империалистов всего мира удушить Советскую Россию. Последний опричник их должен оказаться таким же жалким авантюристом, как и его предшественники. Пролетарии Европы не могут не учесть этого, тем более что в самой Европе все выше и выше поднимаются бушующие волны революции. Хозяйственный развал, финансовый крах, безработица, обострение классовых противоречий — все это ведет к тому, что вожди желтого социализма теряют в рабочих массах всякий кредит, и толкают массы на путь революционного действия. В Италии рабочие захватывают фабрики и заводы, крестьяне — землю; в Германии наши сторонники теперь являются самой многочисленной партией; в Англии рабочих едва сдерживают от открытого выступления; во Франции симпатии рабочих к нам возрастают с каждым днем.

И, очевидно, наша задача на пороге четвертого года борьбы должна свестись к еще большему сосредоточению наших сил, к укреплению нашего огромного тыла и сокращающегося фронта. За три года мы сумели сковать железной пролетарской дисциплиной

рабочих, нам удалось разбудить инертного крестьянина, пробить толщу векового невежества среди миллионов населения. Эту черновую работу можно считать законченной. Наше Советское государство не только стало собранным в своих границах, но и сознание этого укрепилось в умах многих и многих миллионов трудящихся. И если трудно сейчас расчленять Советскую Россию, то еще труднее разбивать сознание рабочих и крестьян, потоками своей крови купивших свое государство.

В новый год своего существования мы сумеем, как и прежде, все лучшее отдать нашей Красной Армии. Мы достаточно научились работать и сможем отдать максимум энергии, чтобы крепче связать наше государство, наладить транспорт. Невероятные продовольственные затруднения научили нас разрешать вопросы борьбы с голодом, и наша очередная задача — усилить эту работу до крайних возможностей.

Впереди для нас работа необъятная, но самый трудный путь пройден. Три года существования рабоче-крестьянского государства являются лучшей гарантией того, что будущее за нами. Возможны еще большие испытания и трудности, но знамя наше видят трудящиеся всего мира, и нет такой силы, которая была бы в состоянии заставить нас свернуть его. Наоборот, угнетенные всех стран жадно тянутся к нему и только в нем видят спасение человечества, стоящего перед пропастью. Трехлетняя заря новой жизни России осветит путь освобождения угнетенных; этот путь — мировая революция, ударные полки которой строятся всюду.

С. Киров

Журнал «Три года советской работы».
Москва, 7 ноября 1920 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин В. И. Указание С. М. Кирову. — Полн. собр. соч., т. 51, стр. 42.

Боянович В. Н. С. М. Киров и печать. — «Филологические этюды. Журналистика», вып. 1. Ростов-на-Дону, 1971, стр. 103—117.

Верховский Н. Встречи с Кировым. — «Сибирские огни», 1970, № 2, стр. 111—124.

Виноградский В. С. Публицистика С. М. Кирова дооктябрьского периода (1904—1917 гг.). — «Вестник МГУ». Серия «Филология, журналистика», 1965, № 3.

Виноградский В. С. Литературное знамя С. М. Кирова. — «Вестник МГУ». Серия «Журналистика», 1966, № 3, стр. 3—10.

Гершберг С. Работа у нас такая. Записки журналиста-правдиста тридцатых годов. М., 1971.

Гутиева М. В. Друг литературы и искусства. Орджоникидзе, 1963.

Долунц Г. К. Киров в революции. Краснодар, 1967.

Долунц Г. К. О деятельности С. М. Кирова в 1910—1914 гг. — «Вопросы истории КПСС», 1967, № 6, стр. 66—73.

Дубровин В. Повесть о пламенном публицисте (С. М. Киров и печать). Л., 1969.

Дубровин В. Б. Публицистика С. М. Кирова в годы революции и становления Советской власти. — «Вестник ЛГУ». История, язык, литература, вып. 4, 1967, № 20, стр. 83—93.

Дубровин В. Б. С. М. Киров — руководитель ленинградской печати. — «Вестник ЛГУ». История, язык, литература, вып. 2, 1968, № 8, стр. 81—88.

Завриев Д. С. С. М. Киров на посту советского полпреда в меньшевистской Грузии. — «История СССР», 1961, № 2, стр. 143—149.

Искендеров М. С. С. М. Киров в Азербайджане. Баку, 1970.

Кондаков А. Одна — но пламенная страсть (О С. М. Кирове). Орджоникидзе, 1968.

Кондаков А. Пламенное слово революционера (К 30-летию со дня смерти С. М. Кирова). — «Октябрь», 1964, № 12, стр. 184—192.

Кондрашев И. Трибун партии (Памяти С. М. Кирова). — «Агитатор», 1958, № 21, стр. 56—59.

Красников С. Сергей Миронович Киров. Жизнь и деятельность. М., 1964.

Красников С. В. С. М. Киров в Ленинграде. Л., 1966.

Курочкин Н. Пламенный трибун революции. К 80-летию со дня рождения С. М. Кирова. — «Партийная жизнь», 1966, № 6, стр. 71—76.

Левитин С. Сергей Миронович Киров (Из цикла «Пропагандисты ленинской школы»), — «Политическое самообразование», 1971, № 7, стр. 112—120.

Микоян А. И. Дорогой борьбы, кн. 1. М., 1971.

Мостиев Б. М. Вопросы культуры в публицистике С. М. Кирова (По материалам газеты «Терек». 1909—1917 гг.). Орджоникидзе, 1965.

Мостиев Б. С. М. Киров о народном образовании. По материалам революционной публицистики. 1909—1917 гг. — «Народное образование», 1963, № 7, стр. 88—92.

Мостиев Б. Революционер-журналист. О литературно-критических статьях С. М. Кирова. — «Дружба народов», 1965, № 6, стр. 232—236.

«Музей С. М. Кирова». Путеводитель. Л., 1959.

«Наш Мироныч. Воспоминания о жизни и деятельности С. М. Кирова в Ленинграде». Л., 1969.

«Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 2. Л., 1968.

«Письма из Сибири. Отцы». Новосибирск, 1968.

Полесьев С. Пламенный трибун. — «Октябрь», 1966, № 3, стр. 195—197.

«Посланцы партии. Воспоминания». М., 1967, стр. 132—188.

Синельников С. С. Киров. М., 1964.

Синельников С. Трибун партии (К 80-летию со дня рождения С. М. Кирова). — «Агитатор», 1966, № 3, стр. 18—20.

Смирнов П. Г. Публицистическая и литературно-критическая деятельность С. М. Кирова в дооктябрьский период. — «Ученые записки Калининградского пед. ин-та», вып. 6, 1959, стр. 5—32.

«Сто страниц о Кирове. Фотографии. Документы. Комментарии». М., 1968.

Тихонов Н. Глашатай века. — «Партия шагает в революцию. Рассказы о соратниках В. И. Ленина». М., 1964, стр. 185—202.

Тотоев М. С. Революционная публицистика С. М. Кирова дооктябрьского периода. — «Известия Северо-Осетинского науч.-исслед. ин-та», т. 23, вып. 2. Орджоникидзе, 1962.

Шахнович М. Разоблачение поповщины С. М. Кировым в газете «Терек». — «Антирелигиозник», 1940, № 12, стр. 11—18.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вдохновенный трибун и публицист	3
Черты мастерства публициста	33
С. М. Киров о журналистике и журналистах . .	67
Привет от Сев.-Зап. Бюро и ЛК ВКП(б) .	67
О рабкорах (Из выступления на открытии клуба рабкоров «Ленинградской правды» 3 апреля 1926 г.)	68
Могущественное оружие (Из речи на торже- ственном заседании в День печати 5 мая 1927 г.). <i>Зарождение «Правды». Новые за- дачи. Улучшать качество. В сегодняшний праздник.</i>	69
Письмо С. М. Кирова	73
Из публицистического наследства С. М. Кирова	75
Отставка Шварца	75
«Великий искатель». К столетию со дня рож- дения В. Г. Белинского	78
Простота нравов	81
На берегах Терека (К событиям на Кавказе)	83
Первое мая и Колчак	89
Памяти дорогих товарищей керменистов . .	90
Деникин на Кавказе	97
Три года	102
Библиография	108

Мельников А. И.

М48 Сергей Миронович Киров. М., «Мысль», 1973.

110 с. (Партийные публицисты. Ордена Ленина Высшая парт. школа при ЦК КПСС. Кафедра журналистики).

«С. М. Киров» — очередная брошюра серии «Партийные публицисты». Так же, как и предыдущие книги, она начинается очерком жизни и творчества публициста.

Киров-трибун неотделим от Кирова-публициста — под этим углом зрения автор, А. И. Мельников, анализирует печатные выступления Сергея Мироновича, рассматривает его журналистское мастерство.

В конце брошюры приведены образцы из творческого наследия С. М. Кирова и библиография.

ЗКП1(092)

М 0122-025 132-73
 004(01)-73

Мельников, Александр Иванович
СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

Редактор	Л. Г. Севастьянова
Младший редактор	Т. Дегатькова
Оформление художника	В. И. Пантелеева
Художественный редактор	В. А. Масленников
Технический редактор	В. Н. Корнилова
Корректор	Т. С. Пастухова

Сдано в набор 7 июля 1972 г. Подписано в печать 28 декабря 1972 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 2. Усл. печатных листов 5,88. Учетно-издательских листов 5,75. Тираж 38 000 экз. А-08666. Заказ № 1374. Цена 19 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 «Союзполиграфпрома»
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Хохловский пер., 7.

Издательство «Мысль» продолжает выпускать серию брошюр «Партийные публицисты». Она подготовлена кафедрой журналистики ВПШ при ЦК КПСС. Серия посвящается публицистическому творчеству В. И. Ленина, выдающихся деятелей партии Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, С. М. Кирова, Г. М. Кржижановского, Н. К. Крупской, В. В. Куйбышева, С. Г. Шаумяна, Е. М. Ярославского, публицистов ленинской школы В. В. Воровского, М. С. Ольминского, А. В. Луначарского, И. И. Скворцова-Степанова, профессиональных публицистов партийной и советской печати П. М. Керженцева, М. Е. Кольцова, К. С. Еремеева, Я. А. Галана и др.

Каждая брошюра содержит очерк жизни и творчества публициста, его высказывания о печати и публицистике, образцы публицистического мастерства. Главное внимание уделяется анализу публицистического творчества и его значения для воспитания и обучения кадров советских журналистов.

В 1971—1972 гг. изданы брошюры: А. К. Белкова «В. В. Воровский», А. А. Круглова «А. В. Луначарский», Б. П. Веревкина «М. С. Ольминский», В. В. Шарова «И. И. Скворцов-Степанов».